

ТЕЛО

в дом

ПОЛИНА ЦУРИКОВА

18+

Полина Евгеньевна Цурикова

Тело в долг

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72268999

SelfPub; 2025

Аннотация

Один долг. Одна сделка. И целая жизнь – под чужим прицелом. Когда родной человек отдает тебя в чужие руки – что остается? Бежать? Молить? Принять? Выбор сделали за нее. Оплатили человеком чужую и грязную игру.

Но за этой сделкой – больше, чем кажется. За каждым лицом – маска. За каждым поступком – след крови. За каждым человеком – трупы. В мире, где все имеет цену, даже душа может оказаться товаром. И главное предательство часто приходит не снаружи – а изнутри.

Это не просто история падения и борьбы. Это исповедь выживания, мести и искупления. Взгляд в темные уголки человеческой природы, где жадность сильнее любви, где правда опаснее лжи, а выбор – роскошь, которую не каждый может себе позволить.

Про тех, кто запачкал руки, чтобы сохранить душу. Про тех, кто ждал спасения – и стал своей бурей.

Кто ты, когда все рушится? Жертва? Палач? Или тот, кто выстраивает себя с нуля – на пепле?

Криминал. Психология. Драма. И финал, который разобьет тебя – или соберет заново.

Содержание

Глава 1. Без глупостей	5
Глава 2. Маленькая птичка	17
Глава 3. В клетке зверя	45
Глава 4. Большое маленькое дело семьи Браун	64
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Полина Цурикова

Тело в долг

Глава 1. Без глупостей

Дверь вылетела с сухим, гулким треском, словно переломился ствол дерева. Железный замок отлетел и ударился о кафель. Тяжелые ботинки загрохотали по липкому полу: внутрь ворвались трое, с оружием в руках, в черных масках на бесчеловечных лицах. Они двигались быстро, слаженно, будто прочищали от гнили канализацию. И гниль действительно была: по углам еле шевелились тела – безжизненные, затхлые. Слышались стоны и храп, а кто-то просто лежал без сознания на полу, залитом пивом, мочой и блевотиной. Непонятно было, кто здесь мужчина, а кто женщина, – только смазанные лица, с синяками под глазами и грязными ногтями на пальцах.

Трое не останавливались. Они шли по телам, как по мусору. Поднимали головы – за волосы, за подбородки, – всматривались и отбрасывали в сторону чужаков. Пинали спящих – живы ли? С простой целью: отыскать наглеца, который задолжал слишком много, слишком нагло. В их списке было одно имя – Марк. В тусклом свете ночников, под клубами табачного дыма и горелой пластмассы, они двигались впе-

ред, как охотники сквозь болото в поисках дичи.

В конце коридора – запертая дверь. Удар прикладом, треск замка, и дверь поддалась. За ней – будто другой мир. Чисто. Светло. Нежная пастель красок, пледы, подушки. Все такое невинное... Горькая насмешка над остальной квартирой.

Шорох. Под столом. Один из мужчин наклонился – и замер. Виднелись длинные голени, тонкие ступни, изогнутые в попытке спрятаться. Девушка. Сжимающаяся, будто в стремлении раствориться. Он повел стволом, приказывая подняться. Она не издала ни звука, только дрожала всем телом. Губы у нее побелели от страха.

Мужчина легонько постучал пистолетом по столу и прошептал:

– Выходи. Медленно.

Девушка подчинилась. Выскользнула из-под стола, как зверек из норы. Глаза ее бегали, руки тряслись. Но она молчала.

– Где Марк? – прозвучал вопрос. Голос под маской был рокошущий, уверенный. – Скажи – и мы уйдем.

Он говорил вкрадчиво. Но в его просьбе слышалось больше угрозы, чем в крике.

Она указала пальцем на занавеску в углу комнаты.

– Без глупостей, девчонка, – шепнул он. – Поняла? Кивни.

Она послушно склонила голову.

– Умница, – похвалил он.

Трое двинулись к шторке. Медленно. За занавеской – Марк. Элегантно одетый, в белой рубашке, брюках. Прикнулся к подушке. У изголовья – лужа рвоты. Без сознания.

– Марк, вставай, – голос был уже жестче.

– Он не просыпается, – тихо промолвил дрожащий голосок. – Я пыталась.

– Выносим. Очнется по дороге, – скомандовал третий.

– Нет! Пожалуйста! – вскрикнула она, пытаясь защитить брата.

Сделала шаг, но мужчина махнул дулом у ее лица.

Марк начал шевелиться, застонал, открыл один глаз.

– Кто вы? – прохрипел он. – Что происходит?..

– Браун ждет тебя.

Фраза сработала подобно отрезвляющей пощечине. Услышав эту фамилию, Марк ожил, рванулся куда-то в сторону. Однако тут же был пойман. Отчаянно задергался, чтобы вырваться, но сил не хватило. Его повалили и стали бить – быстро и умело. Мадлен зажала уши, закрыла глаза – но крики брата все равно пробивались в ее сознание. Сухие удары, глухое мычание и скрежет зубов эхом отдавались в голове.

– Возьмите сестру! Возьмите ее тоже! – взревел он, как предатель.

Они замерли. Девушка распахнула глаза, не веря, что слышит эти слова наяву. Но тот, кто стоял рядом, уже потянул ее за руку.

– Что? Я ни при чем! – пролепетала она.

Но сопротивляться не посмела – пальцы на ее запястье сомкнулись, словно капкан.

– Разберемся. А если ты ни при чем – вернешься домой целая, – мужчина обернулся. – Главное – без глупостей, – он провел дулом пистолета по ее шее. – Как тебя зовут, малышка?

Пистолет у лица. Указательный палец на курке. Она снова покорно кивнула. Как вещь, а не человек.

– Мадлен...

– Все будет хорошо, Мадлен, – процедил он деланно спокойным тоном.

На улице пленников затолкали в машину быстро и грубо, молча – как скот, не заслуживающий объяснений. Мадлен посадили напротив брата. Он был скручен, двое мужчин его удерживали, но он никак не хотел уgomониться: брыкался, извивался, бормотал что-то бессвязное. Его глаза бегали, разодранные губы кровоточили, с подбородка стекала тягучая слюна. Он почти не дышал, пускал пузыри и дьявольски ухмылялся.

Мадлен не сопротивлялась. Сидела идеально прямо, будто тело ей больше не принадлежало. Руки сложены на коленях. Спина напряжена. Взгляд устремлен в окно. Черное, как смола. За ним не светили фонари, не было ни улиц, ни людей. Только ее отражение – бледное, мертвенное, как в гробовом стекле.

На брата она смотреть не могла – слишком больно. А под

ее кожей вскипала тошнота. Потому что в его жилах текла та же, что у нее, кровь. И он стал чужим. Сделался кем-то посторонним, опасным. Ведь знал, куда втянул ее. Понимал и все равно подверг опасности. Единственный, кто должен был защищать ее, сдал ее с потрохами. Хотя она знала, что от Марка можно ждать чего угодно. Подставит – и глазом не моргнет. Таково его нутро.

Внешне Мадлен оставалась спокойной, но предвидела нечто ужасное. Как в комнате перед пыткой. И обида жгла не меньше страха. Хотелось выть, но она не подавала виду.

Марк вдруг перестал дергаться. Уставился на нее. Его зрачки расширились, как у зверя в клетке.

– Помнишь, – прохрипел он, – когда мама еще была жива... ты потеряла ее серьги? Дорогие...

Мадлен вздрогнула.

– Я тогда взял вину на себя. Иначе бы тебе запретили ходить в твою секцию. А мне сильно влетело. Помнишь?

Она кивнула. Машинально. Горло сдавило.

– А потом ты сказала, что будешь мне должна. Что никогда не забудешь, – он усмехнулся, губы треснули, пошла кровь. – Так вот. Время платить...

– Ты сравниваешь – это! – она кивнула на людей в масках. – С... теми серьгами?! – ее голос хрустнул, как лед. – Не смей так говорить! Ты... мы все потеряли из-за тебя! Наша квартира стала помойкой! Ты втянул нас... меня в это! А теперь? Я еще что-то тебе должна?

– Моя маленькая Мэдди, мне просто понадобится небольшая помощь. Не бойся.

Он снова улыбнулся диким, совершенно незнакомым образом. От него воняло распадом, смертью. Он весь был – как гниющий нарыв в сердце Мадлен.

– Не повезло тебе с братцем, – усмехнулся тот, кто сидел рядом.

Эти слова скользнули по уху Мадлен, как змея. Мужчина увидел, как по ее щеке катятся слезы, и хохотнул, чуть склонившись к ней:

– Такая красивая, такая молодая... и здесь – из-за него.

Она резко отвернулась, уставилась в окно, словно в поисках спасения. Всмотривалась в свое отражение в стекле и сердцем чувствовала что-то недоброе.

Машина затормозила.

– На выход, малышка Мэдди, – передразнил Марка мужчина.

Она смахнула рукавом слезы. Привычно натянула маску спокойствия на лицо.

Дверь распахнулась, и в них ударил густой, теплый воздух. Ночь темная, как засохшая кровь. Резиденция – огромная, с подсветкой, колоннами, окнами в пол. Дом без забора, но с охраной. Богатый. Выглядело впечатляюще: чисто, строго, жестко. Даже очень. Слишком дорого и роскошно. От этого охватывал ужас и бросало в жар.

Мужчина протянул ей руку. Вежливо, слегка театрально.

Она приняла ее – молча. Позади хлопнула дверь. Удар. Марк вылетел из машины, как мешок с костями. Глухо стукнулся о землю. Застонал.

– Вставай, ублюдок! – и в следующее мгновение в тело Марка врезался ботинок.

Тот застонал, но даже не попытался подняться. Ни капли гордости, ни воли к сопротивлению.

Мадлен не обернулась. Она не хотела никого видеть. Ни его, ни себя. Ждала только одного – чтобы все это закончилось. Как можно быстрее и с наименьшими для нее потерями.

Их быстро протащили по коридорам и лестницам. Стук в дверь. После разрешения войти их затолкали в комнату. Марка бросили на пол. Мадлен продолжала стоять.

– Марк, давно не видел тебя, – произнес голос из полумрака.

Мужчина сидел за массивным столом и даже не поднял головы.

– Берт, дружище... – Марк полз, волоча колени по полу. Изуродованное лицо, разбитые губы, связанные руки. Кровь размазалась по подбородку. Грязь и пот на теле, страх во взгляде. Жалкое зрелище.

Берт встал. Его движения были медленными, хищными. Он обошел стол тяжелыми широкими шагами.

– Ты мне не друг, Марк. Ты – дерьмо. Всех накормил обещаниями и смылся. Ни денег, ни товара. Ты уже продал дом,

машину – все, что у тебя было. И где оно теперь? Где это все?

Берт подошел вплотную и навис над Марком, как палач над привязанным узником. Тот не смел поднять глаз.

– Ты снова сидишь тут, как сучка, скулишь и плачешь. Доволен? – он пнул Марка под ребра, и тот захрипел, сгибаясь. – Я устал тебя слушать.

Мадлен стояла с опущенными глазами. Слова «продал дом» и «все, что у тебя было» заставили ее вздрогнуть. Сердце сжалось. У нее тряслись пальцы. Дом, в котором она родилась и выросла, в котором жили ее родители, – стал чужим. Единственное, что у нее осталось после их смерти, – втихую продано. Она резко подняла глаза. Перед ней стоял мужчина в расстегнутой черной рубашке и брюках. Свободная одежда подчеркивала его мощное тело. Черты лица – резкие, подбородок срезан, как камнем. В нем было что-то... притягательное. Как у хищника. Не пугающее – по-животному завораживающее. И Мадлен с запозданием поняла, что слишком долго не отводит взгляда. Осознав это, резко одернула себя.

– Марк, это правда? – ее голос был тонким, дрожащим, как струна. – Ты все продал? Ты говорил, что...

– Замолчи, Мадлен! – взорвался брат, но тут же получил по голове.

– Ты говорил, что мы уехали временно! Как это – «продано»! – ее голос срывался.

Берт продолжил:

– Я знаю, что у тебя ничего не осталось. Последняя партия

ушла в никуда. На улицах, за которые ты ручался, – пусто, – он наклонился к Марку, упираясь руками в колени, и его голос стал шелестящим, как ржавчина. – Ты все просрал?

– Я... – прохрипел Марк.

Закашлялся. Из рта у него снова потекла кровь, смешиваясь с грязными пузырями соплей.

– Убей его, – выпрямился и приказал Берт.

Слова ударили в грудь Мадлен, как выстрел. В ушах зазвенело. Мир сузился, ноги подкосились, и она вцепилась в руку сопровождающего. Тот удержал ее и оттащил немного в сторону. Один из охранников поднял пистолет. Навел на Марка. Тот не смел пошевелиться. Но его тело забила крупная дрожь. Он в ужасе скукожился, пытаясь закрыться от пистолета. Из груди непроизвольно вырывались всхлипы и глухие стоны.

– Подожди! Подожди! Прошу! – Марк заорал, голос сорвался на визг. – У меня... у меня есть... я оплачу долг. Сейчас.

Берт чуть наклонил голову. В его взгляде вспыхнул интерес. Он ухмыльнулся:

– Говори.

– Она... – Марк указал подбородком на сестру. – Она и есть моя оплата.

Время остановилось.

Мадлен не сразу поняла, что происходит. Не сразу поверила, что услышала правильно. Казалось, земля ушла из-под

ног. Тело онемело.

Марк забормотал:

– Я знаю, ты держишь девочек. Работаешь с ними. Она молодая. Послушная. И давно мне должна.

– Ты больной убудок, – процедила она сквозь зубы. – Ненавижу. Я...

– Это она? Твоя сестра? – Берт глянул на нее с особым интересом.

– Да. Ей семнадцать, но через месяц... – он впервые поднял взгляд на Берта, – через месяц уже можно. Она твоя. Делай с ней, что хочешь. Она... взрослая девочка.

– Ты жалкое ничтожество, – Берт усмехнулся и повернулся к девушке. Его глаза пылали. – Ты, – кивнул он Мадлен. – Ну... раздевайся.

Мадлен застыла. Берт пронзал ее взглядом. Долго. Сухо. И медленно шагнул ближе.

– Раздевайся, – повторил он спокойно, почти лениво. – Понравишься – может, братец твой и поживет еще немного.

– Убей его, – прошептала она ему в лицо. – Лучше убей.

Берт, не отводя от нее взгляда, ухмыльнулся. Видел, как она боится, как дрожит, как ее маска слетает с лица.

– Она просто не в себе, дружище, – просипел Марк. – У нее даже никого не было еще, я знаю. Таких берут за дорого.

– Тем хуже, – кивнул Берт и вытянулся прямо перед Мадлен. – Ей не понравится, как работает наше дело.

Он вернулся за стол, не сводя с нее взгляда.

– Раздевайся. Или тебе помогут, – он кивнул на охрану.

Сопровождающий отпустил ее. Она стояла, не в силах пошевелиться. Волосы прилипли к мокрым щекам. Тело била крупная дрожь, оно будто ей не принадлежало. В комнате было чересчур светло. И слишком много глаз.

Она сняла свитер. Потом топ. Брюки. Замешкалась, оставшись в одном белье.

– Дальше, – скомандовал Берт.

Пальцы зацепились за лифчик – застежку заело. Он наблюдал за ней и не шелохнулся. Закурил. Медленно встал, взял нож со стола и подошел. Глаза Мадлен расширились.

– Позволь, – шепнул он с сигаретой во рту.

Подошел. Прижал лезвие к ткани между ее грудей. Она замерла. Его пальцы были теплыми. Грубые, сильные. Он потянул – резкий, точный надрез, ткань упала. Обнаженная грудь задрожала. Инстинкт был – прикрыться, но он перехватил ее руки, покачал головой.

– Сама? – уточнил он, кивая вниз на ее белье.

Мадлен кивнула. Щеки пылали от стыда.

Берт вернулся за стол, не отрывая от нее взгляда. Она дрожавшими пальцами стянула с себя остатки белья. Ее тело, стройное и подтянутое, не могло не привлекать. Тонкая талия, в меру широкие бедра, упругая грудь и ягодицы. Такая молодая. Стоящая посреди комнаты с иссушенными глазами, полными ужаса. Все внутри нее было выжжено.

Взгляд Берта прополз по ней снизу вверх. Синяки, ссади-

ны. Такая хрупкая, но побита. Незаметно для себя он громко выдохнул:

– Убери волосы с лица.

Мадлен послушалась.

– Ну что, как вам? – обратился он к остальным.

Они посмотрели. Медленно. По очереди. Один кивнул.

Второй усмехнулся. Кто-то свистнул сквозь зубы.

Берт затушил сигарету о край стола, прикрыл глаза на мгновение, будто смакуя. Потом кивнул:

– Куришь? Балуешься?

– Н-нет... – прошептала она. Глаза закрыты, губы дрожат.

– Выкинуть его. И чтобы я его больше не видел, – он не взглянул на Марка. – А ты... одевайся.

Девушка кинулась к одежде. Не чувствовала пальцев, но торопливо собрала все в кучу – то, что мгновением раньше сбросила. Позади раздавались стоны Марка – его тащили прочь. Ее не тронуло это. Не дрогнуло сердце. Не взволновала его судьба.

Она не успела одеться. В глазах потемнело. В висках било. С каждым мгновением тело становилось все более ватным и тяжелым. Она осела на пол, не в силах стоять на ногах.

И перед тем как окончательно потерять сознание, Мадлен в последний раз посмотрела на Берта. И поняла – самое страшное еще впереди.

Глава 2. Маленькая птичка

Почти год назад

Мадлен зашла в класс и сразу направилась к заднему ряду. Там уже сидела Ника, которой она улыбнулась – не как вежливая школьница, а с настоящим облегчением. Внутри все сжалось – слишком долго они не виделись. Целое лето. Подруга была ее единственным якорем здесь, редким напоминанием, что жить можно не только под настырной опекой.

– Ты как? – тихо спросила она, обняв подругу так крепко, будто та могла исчезнуть.

– А ты? – Вероника не отпускала ее. – Твой брат – мудака. Что за бред – держать взаперти дома и отобрать телефон? Он же совсем е... – она прикусила язык, – ...неадекватный.

Мэдди фыркнула:

– До сих пор не отдал. Пусть. Недолго ему осталось командовать – через год я отсюда свалю. И забуду, как его зовут.

– Уже представляю: колледж, утро, кофе, музыка. Затем пара лекций, у тебя – в академии балета, у меня – на психфаке. Мы живем... и наслаждаемся каждым днем!

– Моя мечта, – тихо ответила Мэдди. – Я правда верю, что мы сможем. Просто нужно немного времени.

– Я с тобой. Всегда, – Ника сжала ее руку. – А теперь давай о самом важном... Тайлер. Ну же, выкладывай. Сколько он за тобой бегал в школе? А теперь – универ, эти его тусовки,

весь такой важный... Вы вообще... все еще вместе?

– Скорее нет, чем да, – усмехнулась Мэдди. – Он говорит, что мы вместе уже два года. Но ведет себя так, будто приезжает к Марку, а не ко мне. Они проводят рядом слишком много времени. Их интересует только покурить дурь. И закатить вечеринку. Каждую неделю... не перебор?

– Тайлер всегда любил шум вокруг себя. А Марк – та еще тварь, толкающая свою дурь. Вот они и спелись... Но что – Тайлер тебе совсем не нравится?

– Не знаю. Он... – Мэдди пожала плечами, – он хочет одного. Всегда говорит про секс. Про то, что «пора», что все его друзья «уже давно»... Я не хочу. Во всяком случае, не с ним. Не так.

– Ну, может, просто... для опыта? – Ника скосила взгляд, будто это был компромисс.

– А если мне не по душе такие опыты? – Мэдди прищурилась. – Он несерьезный, все его слова – воздух. Я ему нужна, чтобы потешить его эго, – она вздохнула. – Я же не слепая. Он всем поет, что мы вместе, никого ко мне не подпускает, но спит с каждой встречной.

– Зачем он тогда вообще нужен?

– Марк просит не разбивать ему сердце. Весело, да? – истерический смешок вылетел из ее уст. – Я с ним, чтобы не злить Марка. Ты сама знаешь...

– Было бы весело, если бы не так мерзко, – фыркнула Ника. – В крайнем случае, ты всегда можешь остаться у меня.

– Знаю... – тихо промолвила Мэдди и обняла подругу. В этот момент прозвенел звонок.

Последний год ощущался ею как почти священный. Не просто финальный школьный этап – это был ее рубеж. Все, что случится потом, станет ее решением. Не будет ни Марка. Ни прошлого. Ни чужих прихотей. Только ее воля. И это осознание давало ей силы – грызть зубами учебу, изматывать себя на тренировках, не сдаваться, когда хотелось просто лечь и отдохнуть в тишине.

Сейчас она строила фундамент. Бетонный. Без трещин. Чтобы потом, уже далеко отсюда, дышать полной грудью. Учеба со стипендией. Своя квартира. Работа по специальности. Деньги, на которые никто не укажет пальцем. Независимость.

После смерти родителей они были очень стеснены в средствах. Не то чтобы Мадлен рвалась к роскоши. Но и в ожидании подачек жить не хотела. Проблема была не в бедности, а в Марке. Он не разрешал ей потратить ни цента без его ведома. Школьные обеды, одежда, даже ее гигиена – все было под его контролем. С его разрешения. Он не умел считать свои деньги, зато умел считать чужие. Особенно ее.

Одежда – все еще та, что покупали родители. Отец баловал ее, словно догадываясь, что нужно успеть. Он знал, что его дочь должна быть защищена. И все же, несмотря на его щедрость, Мадлен никогда не зазнавалась. Добрая, терпеливая, честная – именно такой ее и растили.

Но брат...

Марк вырос другим. Он был мрачной тенью в их доме. Создавал проблемы с каким-то извращенным удовольствием. Смеялся, когда портил ее платье для выступления. Когда рвал ее тетради. Когда говорил ей гадости, а потом делал вид, что все это шутки. Ей хотелось верить, что он ее любит, только по-своему. Но с годами пришло понимание: эта «любовь» – яд. И лучше держаться от нее подальше. Оставаться от нее на расстоянии – единственный формат, в котором она не ранит.

После уроков – балет. Строго по расписанию. Там не было никого, кто мог ее унизить. Только зеркало, пот, мышцы, скрип пола. Она не пропускала занятия не потому, что боялась учителя, а оттого, что не хотела остаться никем. Быть под чужим контролем.

Мадлен мечтала – не по-детски, не наивно, – она планировала. Стать хореографом. Ставить собственные номера. Везти свою труппу на большие сцены. Это была цель, не фантазия. Ради нее она отдавала балету все свободное время. У нее еще будет отдых. Потом. А мечта – не подождет.

– Может, сегодня у меня заночуем? – предложила Ника, когда они вышли за ворота школы. – Кино, болтовня. Ну?

– Эх... – Мэдди чуть опустила голову, – Марк не отпустит. Ты знаешь.

– Попытаться стоит. Он тебя встречает?

– Он всегда и везде меня встречает, – в голосе не было

обиды. Только усталость.

– Это стремно, знаешь?

– Поверь, я в курсе, – Мадлен скривилась в сухой усмешке. – Меня раздражает, что он – центр моей жизни.

– Смотри, – Ника кивнула вперед, – это Тайлер?

Мэдди прищурилась, закрывая глаза от солнца.

– Похоже на то... Наверняка Марк его подослал. Сам уже напился, скорее всего, – она хмыкнула. – Ладно, я пошла.

Они крепко обнялись. Девичьи пальцы сцепились. Мадлен всегда чувствовала, что у нее есть поддержка, есть настоящая подруга, которая просто будет рядом. И поможет.

Мадлен быстрым шагом подошла к машине с открытым верхом. Без колебаний, ловко запрыгнула внутрь. Тайлер обернулся. Его лицо было близко. Слишком близко.

Она положила ладонь на его шею. Холодный металл цепочки коснулся ее запястья. Его улыбка словно разрежала ее губы. Тайлер выдержал секунду. Может, две. Он слегка дернулся вперед, наклонился и впился в ее губы. Резко. Жадно. Но в этом поцелуе чувствовалось слишком много желания и очень мало тепла.

Она позволила – на мгновение. Затем плавно, как кошка, отстранилась.

– Ну хватит, я опаздываю, – прошептала она, не глядя ему в глаза.

– Хорошо, – Тайлер провел пальцами по ее щеке, задержался на скуле, словно хотел запомнить форму. Затем лени-

во откинулся в кресле, небрежно положив ладонь на ее бедро, как на свою собственность.

– Марк тебя послал? – холодный голос Мадлен резанул, как тонкое лезвие.

– У него дела. Готовится к вечеринке.

– Вечеринка? В середине недели? – она прищурилась. – Чушь какая-то.

– Ну, желающие всегда найдутся, – он дернул плечом, шмыгнув носом.

Что-то в его лице стало скользким. Мадлен ощутила, как изнутри нее поднимается нехорошее предчувствие. Знала, Марк может пить посреди недели, посреди дня. Тайлер, судя по всему, теперь тоже.

– А ты что у него делал? – губы Мэдди сжались в линию, брови выгнулись суровой дугой. – Почему не на учебе?

– Вопросы решали, детка, – его взгляд соскользнул в боковое зеркало, избегал ее глаз. – В универе скука. Марк сказал, он только в середине года начал ходить и все сдал.

– Марк вообще-то не закончил учебу. На втором курсе сдулся. Такой себе ориентир.

– У меня своя голова, – пробормотал он, однако уверенности в его голосе не было.

– Езди на учебу, Тайлер, – Мэдди положила ладонь поверх его руки. Он моментально сжал ее бедро сильнее, пальцы впились в кожу.

Всегда, когда она касалась другой его части, когда призы-

вала к разумному, он противился. Себе. Здравому смыслу.

– Мне лучше побыть с тобой, малышка, – его голос стал ниже, улыбка – хищной. – Сегодня не хочу домой. Думаю переночевать у вас. Пустишь к себе? – Рука снова скользнула вверх – нагло, почти грубо.

Мэдди дернулась, но сдержанно. Знала: обидеть нельзя. Будет только хуже.

– С какой целью?

– А с какой хочешь ты? – пальцы на ее бедре снова сжались. Она почувствовала напряжение внизу живота – не желание, скорее отвращение, смешанное с каким-то темным, едва уловимым страхом.

– Тайлер! – голос стал тверже, резче. Она перехватила его запястье, опуская руку мужчины вниз. – Мы уже говорили. Сколько раз тебе нужно повторять?

– Да помню я, – лицо его на секунду скривилось. – Ты «не готова», – он выдохнул с досадой. – Просто... Я люблю тебя, Мэдди. Хочу перейти на следующий уровень.

– Я все вижу иначе.

Она стряхнула его руку совсем.

– Тай, я скажу, когда буду готова.

– Скажешь – о чем? Что хочешь меня?

– Да, скажу. *Что хочу тебя.*

– Что хочешь потрахаться со мной? – он коротко, грубо хохотнул.

– Именно, – с вызовом бросила она. – По-тра-ха-ться.

– Отлично, – с хлопком вернул руку ей на бедро он. – Жду с нетерпением.

Мэдди отвернулась. Ветер трепал ее волосы, остужал кожу и снимал раздражение. Хотелось просто выпрыгнуть из этой машины.

Она закрыла глаза, выдохнула. Когда открыла – уже подъехали. Прощание вышло коротким: натянутая улыбка, поцелуй в щеку – дежурный, без тепла.

– Заберу тебя после тренировки, – шепнул он, дотронувшись до ее запястья.

Холодный кивок:

– Я знаю.

Мэдди развернулась и пошла к студии. Тайлер следил за ней взглядом, закусив губу. Потом резко вдавил педаль газа – визг шин прорезал улицу.

Балет стал ее убежищем, крепостью из зеркал, и Мадлен стремилась как можно быстрее оказаться внутри, быстро в темном углу переодеться, чтобы ее никто не видел... Эта привычка родилась тогда, когда на ее теле начали появляться первые синяки. Марк знал, как приложить руку, но все же следы часто оставались на ее теле на закрытых участках кожи.

Марку не нужно было искать повод для ярости – он вспыхивал от любого пустяка. Когда-то они дрались, как всегда дерутся брат с сестрой. Потом, когда погибли родители... все изменилось. Руки его стали тяжелее, удары точнее, злее.

Поначалу она зажималась в угол и просто терпела. Затем научилась отмахиваться. Потом – защищалась. Пару раз врезала ему по-настоящему. В ней просыпался зверь – дикий, безжалостный, яростный. Она боялась саму себя, когда в ответ набрасывалась на него, кричала. Что-то темное и чужое просыпалось в ней. Ярость, от которой еще долго приходишь в себя. Ей приходилось неостановимо биться за себя. Она научилась молчать, но ее тело всегда помнило эти битвы.

Сегодня, крутясь перед зеркалом, она смотрела на фиолетово-желтые пятна вдоль бедер и позвоночника – и жалела, что не вмазала Марку сильнее.

Трико, колготки – все на ней скрыли. Как всегда.

– Мадлен! – раздался голос в коридоре.

– Здравствуйте, миссис Вайт! – девушка присела в реверансе.

Учительница была редким светом в ее жизни. Строгая, требовательная, но справедливая. Она задала высокую планку. Слабых отсеивала без жалости. Но для Мадлен была вторым лучом света, что поддержит. Она знала, миссис Вайт видит в ней талант и хочет для нее бо льшего будущего.

– У тебя последний год. Думаешь продолжать?

– Обязательно.

– Три выступления. Последнее будет – экзамен. Хочу, чтобы ты сразила всех.

– Поняла, – Мэдди кивнула, губы дрожали от волнения.

– Я помогу. Ты достойна хорошей рекомендации. Стипен-

дии и будущего, – кивнула Вайт.

Мэдди не выдержала – шагнула и обняла ее. Все было настоящим.

– Спасибо, миссис Вайт. Вы знаете, мне это важно.

– Не подведи, – миссис Вайт похлопала ее по плечу, задержала взгляд на лице, вглядываясь.

Занятие началось, и все исчезло: стены, Тайлер, Марк. Остался только зал.

Балет – как боль, как свобода. Как исповедь. Любое движение – вопль души. Каждый прыжок – побег от реальности. И только здесь ее дикая черная ярость приобретала светлые очертания. И испарялась.

Когда все закончилось, Мэдди выскочила на улицу, не переодевшись. Сердце билось быстро. Страх опоздать – и столкнуться с братом – подгонял. Минута задержки – и опять крики, опять его руки, опять...

Она шла быстро. Холодный ветер трепал ее форму, но внутри было горячо. Жестко. И страшно.

– Ого! Не видел тебя такой, Мадлен, – хрипло выдохнул Тайлер, окидывая ее взглядом с головы до ног. – Черт, нужно сходить на этот, как его... балет.

– Всегда так выхожу – чтобы Марк не ждал, – хлопнула дверь машины, хлестко, как пощечина.

Он потянулся к ней. Его рука, теплая и наглая, скользнула между спинкой сиденья и ее телом, обвиняя талию, словно стягивая удавку. Воняло травкой.

– Надо переодеться. Слишком вызывающе, – его голос стал ниже. – Могут начать приставать...

– Не начнут, – отрезала она, перебрасывая сумку через плечо. – Уже кто-то пришел?

– Пара человек, сегодня так... Междусобойчик, – кивнул Тайлер. – Марк просил поторопиться, – он задержал взгляд на ее ногах. – Хочу, чтобы ты была на каждой тусовке рядом со мной. Надо тебя уже выводить в свет.

Она фыркнула и отвернулась к окну.

Дом гудел: на подъезде стояли машины, из приоткрытых окон выбивалась музыка, на крыльце висел сигаретный дым и раздавались чужие голоса. Мадлен промчалась сквозь толпу, не удостоив никого ни словом, ни взглядом. Быстро переделась, волосы рассыпались по плечам. У нее не было дорогой одежды, платьев. Но имелось то, что не скрыть. Особый дух, сексуальность, не в одежде – в осанке, в изгибе губ, во взгляде.

Марк и Тайлер были на кухне. Она услышала их голоса раньше, чем вошла. И остановилась.

– ...Либо ты залезаешь на меня, либо я сваливаю, – голос Марка. Холодный, решительный.

Незнакомец фыркнул:

– Ты псих, я бы так своей не сказал.

– Радуйся этой своей послушной бабе, которую не надо уламывать, Оливер, – буркнул Марк. – А ты, Тайлер? Что с Мэдди? Морозит?

– Ага, – усмехнулся тот. – Говорит: «Я сама скажу, когда захочу с тобой потрахаться».

Смех. Кто-то ударил кулаком по столу.

– Может, ей нужно время... – усомнился Оливер.

– Если и так, у нее есть руки... – хмыкнул Тай.

– ...И другие части тела, – вставил Марк. – Ты что, сидишь и ждешь, пока она соизволит?

– Марк, мне нравится твоя сестра, но я не идиот, – голос Тайлера стал ледяным. – Вокруг меня скачут и другие девки. Просто... с ней я хочу больше. Чтобы подчинялась. Без споров. Как скажу – так и будет. Пожалуй, она из таких. Только нужно дрессировать.

Мадлен сжалась у стены. Ее затрясло от отвращения.

– Думаю, иногда девчонку нужно взять жестко. Они любят это, – продолжил Марк, и в его голосе звучала мерзкая самоуверенность. – Сначала: «Нет, не надо», а потом – «Еще, Марк, еще».

Мадлен резко вышла из тени:

– Эй, Марк! Вот ты где!

Тайлер отпрянул от кухонного стола, кашлянул и зашмыгал носом. Нюхал. Марк заслонил проход. Скрывал очевидное.

– Сестренка! – вскрикнул он и обнял ее. – Пошли потанцуем.

– Смотрю, весело у вас, – усмехнулась Мэдди, говоря куда-то вдаль.

Он отвел ее в гостиную, заставил танцевать. Она просто двигалась по инерции. Все как он скажет.

– Искала тебя. Хотела поздороваться.

– Мило, – Марк скривился, будто вкусил чего-то горького.

Тайлер появился позже. Она не смотрела на него. Он – чужой. Отвратительный. Разочарование вместо теплых чувств. Он хотел подчинения – она хотела свободы. Он жаждал покорности. Она – уважения. Им не по пути.

Тайлер пытался трогать, обнимать Мадлен, танцевать с ней. Устав от его нетрезвого кривого лица, она не выдержала и села в кресло в компанию к Марку. Он хотя бы более-менее трезв.

– Мадлен, садись к Тайлеру на колени, будет больше места, – усмехнулся Марк.

Тайлер, как тень, подошел следом. Нелепый. Подвыпивший. Навязчивый.

– Я много не занимаю, – отрезала она.

– Садись, детка, – хлопнул ее по колену Тайлер, завалившись напротив на диван.

– Господи. Сядь ты, Марк, к нему на колени, если так чешется, – огрызнулась Мадлен.

Хохот. Она по-свойски развалилась в кресле, закинув одну ногу на подлокотник, а взгляд сверлил Марка. Он тоже усмехнулся – коротко, без веселья – и не отводил глаз от сестры. В воздухе повисло что-то острое, грязное. Оба знали: будет взрыв. Не здесь, не сейчас – но скоро. Мадлен побед-

но выпила, не отводя взора от брата. Выдержала его взгляд до конца, пока он первым не сдался, но потом встала резко, почти вызывающе. Стекло пустого бокала звякнуло о стол. И ушла. Хоть брат и заставлял ее бывать на вечеринках, она там не задерживалась. И теперь ей требовалось спокойствие, возможность остыть.

Из своей комнаты она вошла в ванную и в полумраке включила душ. Струи зашипели, набирая жар. Одежда с нее слетела, как шкура, – быстро, раздраженно. Взгляд в зеркало – тусклый свет ночника подсвечивал ее лицо. Расширенные зрачки. Влажный блеск под глазами.

– Мудак, – выдохнула она отражению, прикусывая губу.

Голая ступня осторожно потянулась в душевую. Вода уже обжигала. Хотелось стереть с себя все. Всех. Чувство, будто она грязная везде, даже внутри, не покидало ее. Поток хлестал по телу, оставляя красные следы. Мадлен встала под струи, запрокинув голову, позволив воде обтекать ее, скользить по животу, бедрам. Тяжесть в плечах, груди начала растворяться, но не уходила полностью. Никогда. Она стояла, сцепив пальцы в кулаки, и дышала – глубоко, медленно, как после драки.

В это время Тайлер неотрывно смотрел туда, куда исчезла Мадлен. Он кусал губу до крови, вытирал нос рукой. Странно, неестественно подергивал головой. Лицо тоже вздрагивало, морщилось – будто что-то внутри боролось с ним и проигрывало.

– Думаю, она ждет тебя, – Марк наклонился к нему, почти прижимаясь щекой к уху. – Мы танцевали. Она сказала, что хочет, чтобы ты взял инициативу в свои руки. Сегодня.

– Серьезно? – легкое недоверие проскользнуло у Тайлера.

– Более чем. Иди, – он вытащил из кармана ключик. – Вот, от ее комнаты. Просила передать.

Он хлопнул его по спине и подтолкнул к лестнице. Тайлер неуверенно встал, побрел наверх, будто во сне.

Марк посмотрел ему вслед, его глаза сузились.

– А почему так тихо! – резко развернулся к остальным. – Давайте громче!

Первое, что бросилось Тайлеру в глаза – ее белье, брошенное на пол, едва приоткрытая дверь душа и глухой, ритмичный шум воды. Он скинул футболку, медленно расстегнул ремень, как будто раздеваясь для кого-то, кто должен был это увидеть. Устроился на кровати, развалившись, глаза блестя.

Мадлен наслаждалась каждым мгновением в ванной, дорожа возможностью побыть наедине с собой. Едва не вышла голый, но скользнула взглядом по синякам. Оделась. Хотела скрыть их, даже от себя.

Она не услышала шагов. Не увидела вовремя Тайлера. Просто вдруг – он уже был в ее комнате. Полураздетый, наглый, расслабленный.

– Тайлер?! – вскрикнула она на пороге ванной.

– Мадлен! – с усмешкой передразнил он, как будто они

играли.

– Пошел на хрен отсюда! – ее голос стал ниже, опаснее.

– Чуть-чуть не то я хотел услышать... – Тайлер провел рукой по своему торсу – медленно, с вызовом.

Она не двинулась.

Он сделал шаг:

– Тебе, может, просто страшно признать, что ты этого хочешь...

– Нет... – сорвался с губ выдох, в голосе дрожь, тело напряглось. Инстинктивно отступила назад.

Он шагнул ближе. Она рванулась обратно в ванную, попыталась захлопнуть дверь – удар. Он в последний момент перехватил ручку и с силой рванул на себя. Мадлен чуть не вылетела в комнату – плечо хрустнуло. Она вскрикнула от боли, пальцы разжались. Тайлер ворвался внутрь – безумие в глазах, животный пульсирующий блеск. Он уже не был тем парнем, которого она знала. Этого Тайлера она боялась до тошноты.

Она стала пятиться. Он шел не спеша, размеренно. Мадлен заскочила в душевую кабину и захлопнула стеклянную дверь, вставив между ручками щетку.

Он усмехнулся и прохрипел:

– Аппетит, знаешь, приходит во время еды. Я же люблю тебя, детка.

– Тайлер, пожалуйста, уходи! – голос срывался на крик, слезы мгновенно залили лицо. – Ты пугаешь меня!

– Тише... – он свернул полотенце, обмотал руку. – Все хорошо.

Раздался глухой звук удара – стекло треснуло. Второй удар – и посыпались осколки. Девушка вскрикнула, прижалась к стене. Она в панике включила холодную воду – поток обрушился сверху, капли поскакали по телу, но не замедлили ее пульс. Не отрезвили.

Он вошел. Мокрые волосы прилипли к его лбу. Он был огромен, почти не человек – плоть, похоть, угроза. Схватил ее. Она извивалась, дергалась в его руках, как птичка в силках. Крики, брызги и снова крики. Тайлер вытащил ее в комнату и бросил на кровать, как вещь, сразу вдавил в матрас. Плотно, сверху, всем своим весом. Она попыталась вывернуться, царапалась, хлестала его по плечам, но он лишь зарычал – глухо, грубо. За секунду крепко ухватил ее запястья и поднял их над головой, прижав к изголовью. Вторая рука – влажная, пахнущая пивом и потом – легла на ее рот, заглушая крики.

– Ты такая красивая... – его шепот по коже. Губы скользили по шее, зубы впивались. Он не целовал, он метил.

Тайлер казался чудовищно большим, когда навис над ней: тело, сильное и тяжелое, заполняло все пространство. Руки перекладывали под него Мадлен, как тряпичную куклу, – легко, с наслаждением. Она снова заорала, дернулась, захлебываясь в слезах и панике. Комната огласилась ее криком, но никто ничего не услышал и не пришел на помощь.

– Тихо, – прохрипел он, наклоняясь ближе. – Не кричи – или я сделаю больнее.

Мадлен затряслась под ним, словно в лихорадке. Ее грудь вздымалась, влажная майка прилипла к телу, отчетливо очерчивая соски, которые просвечивали сквозь прозрачное от воды белье. Тайлер опустил взгляд и улыбнулся.

– Ты посмотри на себя, – прошептал он с издевкой, – вся мокрая... такая красивая.

Он провел пальцами по ее животу, скользнул к трусикам – медленно, надавливая на кожу, как будто смакуя ее страх.

Мадлен выгнулась, пытаясь вырваться, но он вдавил ее сильнее, коленями раздвигая ее бедра. Рот по-прежнему был закрыт его ладонью. Ее глаза горели – смесь ужаса, ярости и унижения.

Он склонился к ее уху, шепча:

– Ты ведь сама этого хотела, не так ли, малышка?

Музыка внизу гремела все громче – пульсирующий ритм выдавливал воздух из стен, танцпол превращался в месиво из тел и алкоголя. Марк что-то активно рассказывал своей компании – слишком оживленно, с подозрительным блеском в глазах. Оливер стоял у стены, как тень, медленно допивая теплое пиво. Его тянуло прочь от всего происходящего. Он смотрел на часы – будто считал секунды. Скука, раздражение, липкое чувство, что он попал не туда.

Он вылил остатки пива в раковину на кухне, сполоснул бокал почти машинально. Рукой задел тарелку, что-то гряз-

ное и жирное пролилось на одежду. Оливер опешил, оглянулся по сторонам в поисках полотенца. Нигде нет. И тогда он побрел в уборную. На первом этаже – занято. Нужно подниматься на второй этаж.

Оливер пожал плечами, шагнул наверх. Проходя мимо комнаты Мадлен, он задержал взгляд на приоткрытой двери – мимолетно, без какой-либо мысли. Закрылся в туалете, холодная вода стекала по ладоням. Чистил одежду. Мыслей не было – до того самого звука.

Хлопок. Будто что-то ударило. Потом крик – рваный, настоящий.

Он застыл.

Грохот стекла.

Оливер распахнул дверь и вышел в коридор – сердце ударило в горло. Подошел к двери Мадлен, прижался ухом – внутри происходило нечто чужое, опасное. Без слов, без пафоса, он толкнул ручку и вошел.

Воздух внутри был горячим, влажным – пахло духами, потом и страхом. Свет приглушен. На кровати – Мадлен, полуголая, растрепанная, с ранами от разбитого стекла. Тайлер нависал над ней – коленями прижал ее бедра, одной рукой держал ее лицо, другой жадно мям тело.

– Тебе понравится, малышка... – его голос был хриплым, как у голодного зверя. – Не дергайся.

Мадлен почти не сопротивлялась. В глазах – пустота и слезы. Она медленно кивнула, будто соглашалась. Или сда-

лась. Его рот прижался к ее губам – поцелуй был жестоким, мокрым, как плевок. Ее руки соскользнули вниз, вяло уперлись в его плечи.

А голос был почти стоном, мольбой:

– Тайлер... прошу... Не надо... пожалуйста...

Он только хмыкнул. Его пальцы скользнули под майку, сдавливая грудь сильнее, грубее. Она сжалась, дернулась, выгнулась – и в этот момент ее взгляд зацепился за дверь.

Оливер стоял на пороге. Сердце билось у него в ушах. Он увидел все. Мадлен, не издавая ни звука, прошептала губами:

– *Помоги.*

И этого было достаточно.

– Слезь с нее, ублюдок! – голос Оливера прорезал тишину, как нож.

Он решительно шагнул вперед – быстро, не дожидаясь ответа. Одним толчком сбил Тайлера с кровати.

Тот грохнулся кувыркком на пол. Зашипел как зверь.

– Ты с ума сошел?! – поднимаясь, заорал Тайлер.

– Она не хочет этого, ты не понимаешь?! – Оливер шагнул ближе, преградив путь к кровати. – Ты посмотри на нее! Видишь, как напугал ее! Да что с тобой, мужик!

Мадлен отползла в угол, пряча тело в одеяло. У нее тряслись руки, волосы прилипли к вискам, губы были искусаны. Грудь все еще подрагивала от рыданий.

– Все она хочет, не строй из себя спасателя! – Тайлер плю-

нул, хватая свою рубашку. – Я ее знаю лучше тебя. Это только игра, ясно? Ей нравится быть грязной ш...

– Скажи это еще раз, и я сломаю тебе челюсть, – процедил Оливер, сжав кулаки. – Уходи.

Они стояли напротив друг друга – равные в росте, но не в ярости. Тайлер чувствовал это. Его взгляд дрогнул.

– Ладно... – выдохнул он, подняв руки. – Потом поговорим... Мэдди.

Он посмотрел на нее, как на вещь, которой ему не дали насладиться. Ждал ответа – но девушка не шевелилась, даже не смотрела в его сторону.

Он вышел, хлопнув дверью.

Оливер сел на стул, отвернувшись.

– Мадлен, – начал он тихо. – Я... здесь. Я не уйду. Не оставлю тебя одну. Все хорошо. Уже хорошо.

Оливер мельком осмотрел комнату – влажные простыни, осколки, мокрая одежда. В ванной – кровь на белой плитке. Он опустился на стул, спиной к кровати, молча, словно боялся вторгнуться в боль Мадлен. Его голос сорвался, будто ему не хватало воздуха:

– Я должен убрать стекло.

– Не нужно... Я сама... – ее шепот был тихим, рваным, словно каждый звук царапал ей горло.

– Не бойся меня. Я тебя не трону. Мне жаль, черт возьми... так жаль, – он провел ладонями по лицу, волосы слиплись от пота. – У меня младшая сестра. И если бы с ней... –

он не договорил. Проклятия захлебнулись в горле.

– Спасибо, Оливер, – она выглянула из-под одеяла, заплаканная, с дрожащими губами. – Ты правда спас меня... Я думала, он... он...

– Извини его. И меня... – он обернулся чуть-чуть, не встречаясь с ее взглядом. – Позволь мне помочь. Подать халат, воду. Что угодно.

– Хорошо. Халат... он в ванной... – она попыталась привести себя в порядок, дрожащими руками подтянула мокрую майку. Кровать под ней все еще хранила тепло чужого тела. – Как... как ты понял?

– Повезло тебе, – Оливер натянуто улыбнулся, передавая халат. – Я шел в туалет. Внизу занято было. Поднялся. Услышал грохот, твой голос. А когда заглянул – понял, что не могу уйти.

– Если увидишь его... скажи, чтобы даже не подходил. Никогда.

– Скажу, – он выдохнул. – Он... всегда был мудаком, но не чудовищем.

Когда Оливер ушел, Мадлен в тишине заправила постель, сменив простыни с кровавыми пятнами. Плечо ломило. Руки болели. На шее багровели следы грубых пальцев. Кожа пульсировала от синяков, укусов, грязных следов чужого желания. В груди жгло стыдом – мерзким, липким, от которого не отмыться. Прежний Тайлер перестал для нее существовать. Исчез вместе со всеми поцелуями, воспоминаниями,

обещаниями. Теперь он был только взглядом – озверевшим, голодным, похотливым. Этот его образ вьелся в память, вытеснив все остальное.

Остаток ночи Мадлен пролежала, свернувшись в комок. Не спала. Боялась. Что он снова придет. И что никто не услышит, не поможет.

Утро. Она смотрела на кофе, не в силах его пригубить. Все внутри выворачивалось наизнанку. Марк ввалился на кухню, хрустя хлопьями.

– Ну, как тебе Тайлер? – спросил он, не поднимая глаз.

– Что?.. – вскинулась Мадлен. Веки опухли, шея под горлом – в багровых пятнах.

– Как он, говорю?

Она встала, отвернулась вовсе от Марка. Ноги несли прочь. Прошипела:

– Пошел ты...

– Эй! – Марк вскочил, перехватил ее у двери. – Повтори! Что ты вчера сказала? Повтори мне еще раз!

– Я не помню.

– Ты унизила меня!

Он ударил. Щеку обожгло. Она отшатнулась, но он уже вжал ее в стену, схватил за горло. Воздуха не хватало.

– Ты живешь на мои деньги! Я оплачиваю твой чертов балет! И твое жалкое существование! Я пытаюсь устроить тебе будущее, а ты ведешь себя как шлюха, унижаешь меня перед друзьями! – его лицо горело злобой, брызги слюны попали

ей на щеку.

– Ты не знаешь... что он хотел...

– Знаю! – хватка усилилась. – Ты думаешь, что мир – справедливый? Что все будет по-твоему? Хочешь хорошей жизни – плати. Ты девка и по-другому ничего не сумеешь. Учись этому, пока не поздно.

– Мне... больно... – ее глаза заплаыли, дыхание сбилось.

Он отпустил ее. Она соскользнула на пол, хватая ртом воздух.

– Закрась синяки. Так в школу не пойдешь, – Марк отпихнул ее от себя.

Она поднялась. Молча. Как на автомате. Плакать больше не получалось. Мысли путались. Может, он правда хочет лучшего? Ведь платит? Ведь заботится? Просто... не умеет по-другому?

А Тайлер и вправду хочет большего? Может, дело в ней самой? Может, все так переступают через себя, жертвуют собой?

Как только пульс в висках стих и перед глазами перестали мерцать черные круги, Мэдди медленно поднялась. Не плача. Просто – встала. Как заведенная. Шаг за шагом, будто кто-то дергал за ниточки, она пошла к зеркалу.

Замазывать.

Следы вечера. Следы утра. Следы того, кем ей приходилось быть. Слабой и уязвимой.

Щека саднила – тусклая багровая вспышка под кожей. На

шее – синяк, похожий на раздавленный отпечаток ладони. Губы потрескались. Под глазами – тень бессонницы и стыда.

Она смотрела на свое отражение, не узнавая себя. А может, наконец узнав.

Сил не было ни ныть, ни кричать. Ни даже злиться. Только мысли – вязкие, гнилые:

«А если он прав?»

Ведь брат на самом деле заботится о ней? Если бы не любил – не тащил бы ее на себе. Не кормил бы. Не платил за балет, не возился с ней, не приводил «друзей», которые могли бы «устроить» ее жизнь.

Может, он просто сломан. И теперь ломает ее – как умеет. Не из ненависти. Из любви.

Злость в груди сжалась и растаяла, как лед в кислоте. Осталась пустота.

Мэдди встала, застегнула куртку. Плечо заныло – тугим, глухим эхом.

Перед тем как выйти, она подошла к Марку. Он курил у окна, смотрел сквозь стекло, будто за окном было что-то важное. Словно он и правда умел чувствовать.

– Прости... – выдохнула она тихо, почти беззвучно.

Он обернулся, будто только этого и ждал. Обнял. Пахло табаком, потом и перегаром.

– И ты меня прости, – его голос стал мягким, почти отеческим. – Я люблю тебя, маленькая Мэдди...

Он держал ее крепко, слишком крепко. Взгляд Марка

уоставился в пустоту.

Жалел ли он когда-то о том, что делал?

– Я поговорю с Тайлером. Он не должен был так поступать.

– Спасибо... – кивнула она, глядя в пол.

И ей действительно стало легче. Как после исповеди палачу. Слово прощение Марка – это все, что ей нужно, чтобы снова жить нормально. До следующей ссоры.

Через год, после выпускного

Мадлен молча собирала вещи, каждое движение отдавалось в теле тупой болью. Грудь сжималась от глухой тоски – не по дому, а по тому, что он когда-то значил. Сейчас это было просто здание, выжженное временем и страхом. У них угнали машину, в стенах завелись паразиты, и теперь дом подлежал «обработке». Протравить все.

Они уезжали временно, однако Мэдди знала – это навсегда. Возвращаться некуда. Она уйдет раньше. В день, когда ей исполнится восемнадцать. Оставит Марку записку и бесследно исчезнет. Чтобы он не смог найти. Чтобы никто не смог.

– Давай быстрее, Мэдди, пора в дорогу! – крикнул Марк из коридора, глухо кашляя и закуривая в том же вдохе.

Они переехали так далеко от города, что танцы превратились в память. Марк перестал ее возить – было не на чем. А на автобусы денег не давал. Репетиции остались в душевной

комнате, где обои висели клочьями, а пол скрипел под шагами, как предатель. Ее балет теперь был среди шкафов и теней. До показательного выступления в сентябре оставалось немного. Она успеет. Доживет. Дотерпит. В день рождения – клетка распахнется, и она вылетит на свободу, даже если с поломанными крыльями.

Но клетка продолжала сжиматься.

В доме появлялись чужие. Они задерживались на сутки, на двое. Их запахи оставались в стенах, их смех – в подвалах памяти. Марк стал призраком: появлялся редко, чаще всего – пьяным, обкуренным, липким на ощупь и в голосе. Его уже не волновали ни двери, ни личное пространство. Мадлен обвешала дверь замками в попытке защититься. В надежде, что к ней никто не ворвется снова. Но ни один из запоров не давал ощущения безопасности.

– Мэдди... малышка... мне так хреново... – пробурчал он, ввалившись в ее комнату, качаясь от собственного веса.

Он рухнул на кровать, запах перегара и травки ударил в лицо. Его начало выворачивать. Тело дергалось, неестественно и страшно. Из груди раздавались хрипы.

Мэдди молча задернула тканевые шторы вокруг кровати. Отгородилась от него, как от болезни. Села за стол. Книга открыта – текст расплывался, буквы не складывались в слова.

Затем – удар.

Глухой, короткий, где-то в прихожей.

Входная дверь.

Мадлен замерла.

– Марк?.. – голос сломался.

Тишина в ответ. Ни шороха, ни вздоха.

Шаги. Двое.

Нет – трое. Уверенные. Тяжелые.

Сердце забилося в горле. Мадлен рванула под стол, заби-
лась в угол, тело вжалось в холодный пластик и пыль.

Удар, дверь открылась.

Шаги на скрипучем ламинате. Мадлен прижала ладонь к
губам, чтобы не дышать. Чужие ноги около стола. Дуло пи-
стоleta опустилось перед ее лицом. Голос приказал выйти.

Глава 3. В клетке зверя

Сегодня

Рывок. Воздух будто сжался в грудной клетке, и Мадлен резко села, сраженная невидимым током. Кожа покрылась мурашками, словно от холодной воды. Сердце колотилось в висках – гулко, беспорядочно, отчаянно. Ее взгляд заметался – по потолку, по стенам, по незнакомой комнате. Все было чужим, чистым, каким-то... другим.

Мгновения сливались в серый водоворот. Она не сразу поняла, где находится. Что это – сон? Лихорадка? Затянувшийся кошмар? Память ускользала, как мыло из рук, и каждый раз, когда она пыталась зацепиться хоть за одну мысль, та рассыпалась в темноте. Все, что было до этого, – исчезло, словно вырезанное ножом из памяти. Вчерашний вечер был наполовину стерт.

Она опустила взгляд. На ней – только чужая рубашка, ее нижнее белье и ничего больше. Все остальное – ее вещи, бюстгальтер – лежало на другом краю кровати. Плотное прижатое к телу унижение по-прежнему ощущалось в каждом миллиметре кожи.

Руки дрожали. В горле стоял ком, противный и вязкий.
– Где я? – шепнула она, не узнавая своего голоса.

Мгновенно вспыхнули кадры. Не воспоминания – обрывки. Как тело стало чем-то, что можно нести, швырять, рас-

поряжаться им. Как она кричала – или ей только казалось, что кричала. Губы дрожали, но голос – мертв.

Встала. Голая ступня коснулась пола – холодного, мраморного. Пространство вокруг казалось зловеще безупречным.

Комната была большой. Не просто большой – излишне роскошной. Непривычно. В такой страшно к чему-либо прикоснуться. Все слишком аккуратно, донельзя стерильно. Огромная кровать с тремя рядами подушек, шелковое покрывало, темный кожаный диван напротив, телевизор, гардероб, за стеклянной дверью – ванная. Все будто специально подобрано тем, кто хотел показать свою власть.

Как витрина. Как кукольный дом. А она – экспонат.

Из панорамных окон лился дневной свет, резал глаза. Она подошла к стеклу – за ним простирался сад. Бродила охрана. Четыре-пять человек, вооруженные, но расслабленные. Болтали, смеялись. Дальше – лес, высокий и густой. За ним – свобода.

Она положила ладонь на стекло.

– Я выберусь... – прошептала, не отрывая взгляда от границы участка. – Это не конец.

Слова прозвучали слишком тихо. Как признание. Как молитва.

Ощущение времени было странным. То казалось, что прошло уже несколько часов. То – что это по-прежнему один и тот же миг. Она зашла в ванную. Зеркало выдало ей прав-

ду – растрепанные волосы, следы от чужих хватких пальцев, разодранная губа. Не привыкать.

Все в ванной было подготовлено для Мадлен. Свежая одежда, полотенца. Привела себя в порядок не сразу. Долго ходила по комнате – проверяла, не зайдут ли к ней.

Накинула свежую одежду, пахнущую чем-то приторным – дорогим лосьоном. От этого запаха она не могла ощущать ее своей. Но телу стало чуть спокойнее, когда оно оказалось прикрыто.

И тогда она встала в центре комнаты. Голыми ногами. И начала разминку. Мышцы тянулись с болью, с протестом. Но Мадлен продолжала. Растяжка. Плие. Спина выгибалась, будто стремясь выдавить из себя воспоминания. Ее тело всегда было родным, податливым – сейчас оно дергалось, ломалось, но подчинялось. словно все происходящее – спектакль. И только танец – ее личная, священная территория.

Она двигалась, словно изгоняла демонов. Плавно, по-настоящему красиво. В каждом повороте корпуса – боль. В каждом вытягивании руки – злость. Танец как вызов. Как крик. Как попытка не сойти с ума.

Щелчок замка прозвучал гулко. Медленно, как в плохом фильме ужасов.

Мадлен замерла. Спина выпрямилась. Мышцы окаменели.

Дверь распахнулась – неспешно. И в проеме возник силуэт.

Он. Высокий. В дорогом черном пиджаке, с пронзительным взглядом, в котором читалось только одно – право.

На обладание. На власть.

На нее.

– Можно?.. – глухо раздалось из-за приоткрытой двери.

Мадлен забежала в ванную, дыхание сбивалось, сердце билось в горле. Она узнала голос – низкий, спокойный, вкрадчивый. Берт. Он стоял в дверях, бросая быстрые взгляды по комнате.

– Я захожу. Выйди, я тебя не обижу, – шагнув в комнату, начал Берт.

– Я не верю вам, – отозвалась Мадлен срывающимся шепотом, спрятавшись глубже.

Она осталась за дверью, чуть приоткрыв ее.

Раздался его смешок – низкий, ленивый, как у мужчины, которому абсолютно некуда спешить.

– Выходи, Мэдди. Нам нужно поговорить.

– Меня зовут Мадлен, – резко сказала она, поднимаясь и выходя из-за двери. Ее спина была напряжена, подбородок вздернут, но в голосе звучало что-то детское, хрупкое.

– Хорошо, Мадлен, – кивнул он снисходительно.

Опустился на диван, небрежно закинул ногу на ногу и махнул рукой, приглашая:

– Сядь. Поболтаем.

Его голос был ласковым, почти нежным, но за этой мягкостью прятался приказ. Невыносимо липкий, властный.

Мадлен замерла, руки повисли. Она села на край дивана, максимально отдалившись от Берта. Колени сжаты, плечи напряжены, глаза – настороженные.

Он смотрел на нее, не скрываясь. Изучал. Оценивающе. Как мясник перед разделкой. Как коллекционер – новый трофей. Его взгляд скользил по ее ключицам, по бедрам, по тонким щиколоткам. Мадлен чувствовала, как на коже остается горячий след. Его интереса и восхищения. И чем он дольше смотрел, тем горячее становилось ощущение следа.

– Во-первых, – сказал он, откинувшись на спинку, – со мной ты в безопасности. Я не трону тебя. Разумеется, если будешь вести себя хорошо.

Он смотрел ей прямо в глаза, и на последнем слове губы его едва заметно растянулись в ухмылке. Хищной.

– Поняла, – кивнула она, пряча в голосе дрожь.

– Во-вторых, твои вещи привезут сегодня. Все, что было в комнате.

– Хорошо, – выдохнула Мадлен с облегчением.

– Ты останешься здесь столько, сколько я скажу. Это без вариантов.

– Но... – она подняла взгляд, столкнулась с его глазами.

В них не было ни злости, ни раздражения. Мадлен узнала этот оттенок во взоре. Только пустота. Холодная, глухая. Он поднял руку: мол, хватит. Улыбка чуть поблекла.

– Пока есть два варианта, как мы поступим с тобой, – лениво продолжил он. – Но мне нужно еще подумать. Хочешь

услышать варианты?

– Хочу, – кивнула Мадлен. В голосе – покорность, на лице – странное выражение: и страх, и что-то тихое, скрытое.

Ее слабый вызов забавлял Берта.

– Но могу я спросить? – Мадлен замялась.

– Конечно. Все, что хочешь.

– И много... я должна? – сорвался с губ вопрос.

Сердце сжалось. Впервые – сочувствовала искренне, как никогда раньше. Себе. Действительно надеялась, что сможет заплатить. Найти выход. Пусть даже самый унижительный.

– Ох... – Берт изогнул брови. – Много – понятие относительное.

Он заметил, как в глазах Мадлен дрогнула надежда, как дыхание ее сбилось.

– Последняя партия была не самой крупной... – медленно произнес он.

– Сколько? – голос задрожал.

– Примерно... – он достал телефон и начал вводить цифру.

С каждым нажатым нулем Мадлен становилось хуже. А когда увидела цифру, с ужасом выдохнула и отпрянула. Не скрывая эмоций, девушка упала на диван, сократив расстояние между ними, закрыла лицо руками, и глухие, сдавленные вскрипы прорвались сквозь пальцы. Ее надежда умирала с каждым вздохом.

– Тише, тише... – его ладонь коснулась ее волос. Осто-

рожно. Почти нежно.

Она вздрогнула, но не отстранилась.

– У Марка ничего не было! Почему вы... почему вы работали с этим идиотом?

– Как не было? – пожал плечами Берт. – Он сначала приносил прибыль. Все оплачивал. Потом, когда исчез, мы узнали: машина и дом проданы, счета пусты. Он был удобен, пока не скатился... пока не стал сам использовать свой товар.

– Машину и дом? – воскликнула Мадлен. – Он говорил, что машину угнали, а дом обрабатывают от... от чего-то там.

– Врать он умеет, – Берт развел руками. – Но мне Марк больше не интересен. А вот ты...

Он наклонился вперед. Взял прядь ее волос, провел по ней пальцами. Волосы стекали между ними, как вода. Его глаза заблестели.

– Так вот, варианты, – тихо сказал он.

Мадлен вытерла слезы, села прямо, ноги подобрала под себя, обняла колени.

– Первый – ты будешь продана. На хороших условиях. Уверен, ты понравишься многим...

– О боже... – Мадлен тяжело задышала. – А второй? – голос сорвался, но она не отводила глаз.

– Бордель, – он пожал плечами. – Лет пять, и будешь свободна.

– Это все... варианты? – голос ее дрожал.

Тело тоже. Как в ознобе. Она уже не знала, где кончается

страх и начинается отвращение к себе. К ситуации.

– Можно я... просто буду работать? Я найду работу! Три работы! Но я все отдам! Прошу вас...

Она сползла с дивана. Встала на колени перед ним. Руки тряслись. Сама не заметила, как оказалась внизу, как взгляд упал, как унижение стало способом выжить. Сейчас это неважно.

Берт с любопытством наклонился:

– Пока все, моя дорогая Мадлен.

Он поднял ее лицо за подбородок, взгляделся в заплаканные глаза. Она отдернулась.

Он усмехнулся:

– Непокорная. Это... хорошо.

Он поднялся, оставив ее, подошел к двери.

– Скоро устроим вечеринку. Посмотришь, как работают наши девочки... а может, и уже пристроим тебя.

– Можно одну просьбу? – Мадлен резко подскочила, схватила его за руку.

Берт застыл. Повернулся. Неожиданное прикосновение удивило его.

Она хотела отдернуть руку, будто поняла, что совершила ошибку – но он крепко сжал ее пальцы и прошептал:

– Говори.

Его лицо приблизилось, дыхание обожгло шею. Мадлен посмотрела вверх – он был выше, старше, опаснее. От него исходил жар.

– Можно... сделать один звонок?

Он молчал. Ждал, когда она закончит.

– Учителю по танцам. Мне нужно предупредить... у меня выступление. Я... буду репетировать здесь.

Она запинаясь, глотала слова, пыталась быть логичной, но знала – ее голос звучит жалко.

Берт склонился к уху.

– Смотря как ты попросишь... – промолвил он и не отстранился.

Наоборот – остался близко.

Слишком близко.

Его губы почти касались мочки ее уха, дыхание щекотало кожу. Она не отпрянула – не успела, не решилась. Только замерла. Грудь ее вздымалась резко, нервно, от переизбытка всего – запаха его тела, жара, страха и стыда.

Берт скользнул пальцами по ее запястью. Легко, почти ласково. Но это не было лаской, а осмотром, как будто он щупал товар.

– Дрожишь, – сказал он, отстраняясь. Его голос стал ниже, теплее. – Это очень красиво. Когда девочка боится и не знает, чего страшится сильнее – боли или желания.

Мадлен попыталась выдернуть руку. Но он не позволил.

– Тсс, – его взгляд обжег ее. – Не спеши убежать, Мэдди. Здесь некуда бежать. А ты... – он провел тыльной стороной пальцев по ее щеке. – Ты даже не представляешь, как изящно у тебя получается бояться.

– Я... не боюсь, – прошептала она, голос почти сорвался. Берг ухмыльнулся. Хрипло, тяжело, с животной насмешкой:

– И лгать тоже.

Он вдруг резко притянул ее к себе – не больно, но достаточно сильно, чтобы она едва не упала на него грудью. Он держал ее за талию, ощущая, как она замирает в его руках. Мадлен не дышала. Вся ее внутренняя сталь трещала под весом страха. И чего-то еще. Туманного. Она ненавидела себя за это.

– Посмотри на меня, – потребовал он.

Она подняла глаза. Медленно. В ее взгляде было все: и вызов, и слабость, и желание понять, через сколько секунд ее перестанут щадить.

– Мне нравится, – он не сводил с нее глаз. – Может, тебе повезет больше, чем ты думаешь.

Его рука скользнула к ее лицу. Пальцы просочились сквозь волосы на затылок. Ее лицо приподнялось ему навстречу.

И она не дернулась, не сказала ни слова... Только дышала. Глубоко. И не сводила с него глаз.

– Хорошо, – отступил он. Отпустил ее, сделав над собой нечеловеческое усилие.

Он ушел, оставив за собой глухую тишину, смешанную с ароматом табака и мужской кожи.

Мадлен по-прежнему стояла посреди комнаты. Вся сжа-

тая внутри. И только одно ощущение выжигало в ней свой след: он ушел – а ее тело осталось гореть. От его запаха, от его тепла, от его маленькой игры с ней. Хотелось прикрыть глаза и забыть про то, в каких обстоятельствах они встретились.

Комната погрузилась в полумрак. Снаружи – за панорамными окнами – сад освещался неяркими лампами и отражениями воды в фонтане. Пейзаж выглядел чертовски спокойным. И от этого – только хуже. Раньше у нее не было роскоши, но она принадлежала себе. А сейчас? Все вокруг стало как в лучшем сне. Но она уже не хозяйка самой себе.

Мадлен не спала. Лежала на спине, на чужой кровати, с простыней, чуть скомканной между ног. Свет из окна падал на ее обнаженные колени. Она смотрела в потолок, будто там был ответ.

В груди – тяжело. В горле – сухо. Мысли неслись беспорядочным роем. Каждая – о нем. О Берте. О том, как он смотрел. Как держал ее. Как говорил.

– Скажи «нет»... – пульсировало эхом в голове.

Она сжала бедра. Сильнее. Рефлекторно. Пытаясь затушить жар, ползущий изнутри.

– Нравится, – выдохнула сквозь зубы.

Тело не слушалось. Оно будто предавало ее. Это не было возбуждением – не могло им быть. Это было что-то другое. Стыдное. Подчиненное. Противное и пульсирующее.

Она вспоминала, как его пальцы коснулись ее щеки. Как

зарылись в волосы. Как он держал ее, как смотрел, будто уже взял.

Он хотел, чтобы Мадлен боялась. И чтобы думала о нем. И Берт этого добился.

Она сопротивлялась – разум кричал, – но тело уже не понадобилось в разрешении. Мадлен зажмурилась.

Она представляла, как он снова входит в комнату. Не просит. Не спрашивает. Просто берет. Тихо, жестко, уверенно. Его голос – как наждаком по коже.

Слезы. Тихие, злые. Она не знала, на кого сердится больше – на него или на себя. Хотелось вырваться, разорвать простыни, вцепиться ногтями в грудь – лишь бы вытащить из себя все это, выжечь, забыть. Но тело... тело уже сделало выбор.

Он будто ввинчивался ей в грудную клетку, и сердце в ответ дергалось. Мадлен ощущала себя безумной. Как можно испытывать влечение к такому мужчине? Который только что обсуждал, кому и за сколько ее можно отдать?

Одна часть ее разрывалась от ярости, от бессилия, от мерзости ситуации. Но другая... другая вспоминала. Его руки. Его голос. Его чертову манеру говорить, будто каждая фраза – приговор, от которого хочется дрожать. Может, Марк сломал ее и она сошла с ума? Столько лет унижений и боли, от которых она бежала, чтобы сейчас лететь, как мотылек в огонь?

– Какой кошмар... – прошептала она себе под нос, при-

жав ладони к щекам, будто желая стереть с лица эту чертову слабость.

На следующий день дверь открылась. Вошли с разрешения. Два охранника внесли ее чемодан, а за ним – массивный букет. Слишком живой, слишком яркий. Цветы пахли свежестью, какой-то тяжелой сладостью, которая ударила в голову, словно шампанское натошак. Мадлен подскочила с кровати, словно по команде, прижалась носом к лепесткам, жадно вдыхая аромат, будто впитывая запах чужого внимания.

Среди бутонов виднелась записка. Тонкими пальцами она вытянула ее.

15:00. Кабинет. Надень трико. Б.

– Трико? – переспросила она себя, словно надеялась, что прочитала неправильно. – Сколько сейчас? – кинула вопрос охраннику.

– 14:37. Через десять минут заберу тебя. Будь готова, – коротко бросил тот.

Она молча кивнула, а потом – метнулась в ванную. Холодная вода не помогла – жар внутри только усиливался. Она ненавидела себя за это. За то, что подчинилась. За то, как быстро начала угождать. Но, может, это шанс?

Трико обтянуло тело плотно, почти вызывающе. Поверх она надела спортивный костюм – инстинкт самосохранения был сильнее гордости.

Ее повели. Один спереди, другой за спиной. Шаги по мра-

морному полу отдавались эхом. Потолки были высокие, двери массивные – все здесь кричало о власти, о том, что ты в чьих-то руках. И эти руки не дрогнут, если сожмут тебя до хруста костей.

Берт сидел в кабинете за массивным столом и даже не взглянул в ее сторону.

– Свободны, – коротко бросил он.

Охранники исчезли без звука, оставив Мадлен. Она тихонько прошла вперед, в центр.

– Я вроде просил надеть другое, – его взгляд скользнул по спортивному костюму, и в этом движении глаз было столько цинизма, что Мадлен стало стыдно за свою попытку спрятаться.

Молча, без слов, она стянула куртку, потом штаны. Остывила только трико. Он довольно улыбнулся:

– Прекрасно.

Обошел стол, встал перед ней и взял за плечи. Пальцы горячие. Уверенные.

– Хочешь просьбу?

– Хочу, – послушно кивнула она.

Стояла прямо, напряженная, как струна.

– Тогда станцуй. Для меня, – он оперся о стол, его голос стал мягче, но от этого – опаснее.

– Что именно?

– «Лебединое озеро». Только скажи часть – включу музыку.

– Умиравший лебедь.

– Конечно, – ухмылка, – символично.

Он приглушил свет. Тени легли на пол. Мадлен чувствовала, как в груди стучит тревога – будто сердце просится на волю. Никогда не боялась публики, но сейчас... Сейчас иначе.

Он уселся на край стола, расстегнув верхние пуговицы рубашки. В полумраке сверкнула цепочка. Сидел и смотрел. Ждал.

Мэдди завязала пуанты. Кивнула. Музыка пошла. И она следом. Двигалась. Парила. Ее взгляд не отпускал его лица. Он – не моргал. Не отвлекался. Она чувствовала, как становится для него спектаклем. Больше чем просто балериной. Он смотрел на нее. И ей, стыдно признаться, это нравилось.

Она танцевала, будто правда умирала. Каждый взмах руки был криком. Каждый поворот – судорогой души. Танец как искупление.

Когда все закончилось – он отвел взгляд. Первый.

– Простите... что-то не так? – спросила она, тяжело дыша, покрытая испариной.

– Все так. Потрясающе. Я люблю балет, – его голос снова стал прежним – ровным. – Оденься. Я дам тебе телефон.

– Откуда вы знали, что я танцую балет?

– Я просто знаю достаточно.

Он повернул к ней монитор, и она застыла. Камеры. Ее комната.

Он включил запись – как она танцевала вчера днем перед его приходом.

– Ах! – она закрыла рот рукой. – Вы... подсматривали? И видели, как я сплю раздетая! – на секунду опешила, удивившись своей глупой наивности.

– Не только, – Берт усмехнулся. – Я тебя туда и принес... раздетую. Он перемотал запись – и стало видно, как он несет ее на руках, закутанную в его запах, в ткань, в то, что ей не принадлежит. Как укладывает ее на постель, укрывает.

Мадлен нахмурилась. Ей было не разобрать своих чувств, страха, а теперь еще и он. То разжигает огонь, то заставляет сердце замирать.

– Спасибо, – только это и смогла сказать.

Телефон скользнул к ней по столу. Маленький, простенький.

– У тебя пара минут. Будь умницей. Не хочу неприятностей. Не от тебя.

– Их не будет, – кивнула она и быстро набрала номер.

– Миссис Вайт! Добрый день! – голос Мадлен звучал на удивление бодро, почти по-детски, несмотря на холод, пронзающий изнутри.

Она чувствовала, как дрожит кончик пальца, сжимающего телефон, но старалась держаться. – Брат отправил меня... за город на лето. Я пока не смогу посещать репетиции, но продолжаю заниматься дома... и повторяю номер.

На другом конце раздался теплый голос. Она слышала его

не раз – строгий, но добрый. Голос человека, которому хочется нравиться. Голос, напоминающий о прошлом – безопасном, простом.

– Спасибо вам большое... – Мадлен прикусила губу, перевела взгляд на пол, стараясь говорить уверенно. – Мы оплатим занятия в сентябре, не переживайте за долг...

Тишина в трубке – короткая пауза. Ответ, кажется, стал мягким, но весомым ударом под дых.

Ее брови резко сошлись на переносице.

В висках застучало. В груди сжалось что-то тяжелое. Глаза забегали – то на пол, то на монитор, то на его руки, лежащие на столе. Ровные, спокойные. Он все слышал. Конечно.

– Спасибо, миссис Вайт. До сентября... – голос сел.

Она быстро сбросила вызов – как будто горячий телефон жег ладонь.

Разговор с миссис Вайт был коротким. Она не знала, что с нее не брали плату после смерти родителей. Ее брат лгал ей все это время. Упрекал за каждую мелочь. А сам и вовсе не платил. Он бил ее и предъявлял претензии за все на свете, а Мадлен терпела. Просто так.

Она вернула телефон Берту.

– Сентябрь? – переспросил он.

– Я сделаю все, чтобы вернуться, – она выпрямилась.

– Ты не понимаешь...

– Понимаю.

Голос дрожал – от злости, от страха, от решимости.

Берт улыбнулся:

– Увидим, – он затушил сигарету, дым поплыл к потолку.

Она стояла рядом, напряженная. Он посмотрел вверх.

Жар между ними снова поднимался, как пламя на ветру.

– Что сказала Вайт? – Берт откинулся в кресле.

– Что не брала плату. А Марк говорил, что платит.

– Твой брат... он очень непростой. Тебе повезло, что ты здесь. Больше, чем ты думаешь.

Он наклонился. Его лоб коснулся ее живота. Поза – интимная. Слишком. Она замерла. Сердце колотилось в висках.

– Жаль, что мы встретились вот так, – выдохнул Берт.

– Мне тоже... – осторожно, неуверенно и еле слышно шепнула она.

– Иди. Если что-то нужно, просто попроси, – он отпрянул и отвернулся.

Она увидела его слабым, не таким, какой он был в их другие встречи. Берт, как и она, носил маску. Он тоже сомневался и метался, мучил себя. Секунду, но Мадлен заметила. Что-то было между ними общее. Это не ускользнуло от нее. Не смея потревожить его, она молчала.

– Можешь выходить из комнаты и гулять. Туда, где нельзя, – тебя не пустят. А если нужен буду я... – он выпрямился и снова повернул к ней лицо.

Холодное и серьезное. Он стер с него все, что Мадлен могла увидеть мгновение назад.

– Иди. Пока я не передумал. Уж больно ты мне нравишься, – он встал и подтолкнул ее к двери.

Не грубо. Но сильно.

Она обернулась в дверях. Взмахнула ему на прощание.

Он смотрел ей вслед. В его глазах была та самая тень, что запоминается. Взгляд задумчивый и глубокий, который ищет ответ у себя в глубине души.

– Спасибо... – одними губами прошептала Мадлен. И ушла.

Губы Берта дрогнули в легкой улыбке перед тем, как дверь закрылась. И улыбка эта была той, что держится на лице еще долгое время.

Мадлен отвели в тишине обратно – шаг за шагом, будто заключенную. Ни взглядов, ни жестов. Только сухой, ледяной контроль. Берт не опускал глаза еще долго. Будто ее тень осталась в его комнате. В ушах зазвенело, биение сердце отдавалось эхом в голове и груди. Воспоминания накрывали его. Болезненные и тяжелые.

Дверь за спиной Мадлен закрылась с глухим щелчком. Она просто стояла, ощущая, как вопросы вонзаются в грудь ножами.

Глава 4. Большое маленькое дело семьи Браун

Много лет назад

Первым воспоминанием Берта о матери был тот день, когда она выходила на большую сцену. Он тогда впервые оказался за кулисами и увидел, как рождается магия театра. Его мать была в белой пачке, ее тело двигалось с такой грацией, что казалось частью самой музыки. Все вокруг нее суетились – визажисты, гримеры, кто-то поправлял ей костюм, а она, будто пропитанная светом, двигалась в этом мире, не замечая его суеты. Когда она увидела сына, ее лицо озарилось радостью. Подбежала и подхватила его на руки, как маленькое сокровище, которое нужно оберегать.

– Мой малыш, ты тут! – ее губы коснулись его щеки, а магнетический запах свежести и терпкости ее духов заставил его забыть обо всем.

– Хорошего выступления, Роза... – муж обнял ее, второй сын тоже. – Мы с ребятами в первых рядах, ты нас точно увидишь.

– Я вас обязательно найду и увижу, мои родные, – она чмокнула сыновей в лоб, а затем поцеловала мужа.

Он был крупнее ее, поэтому она встала на пуанты, чтобы дотянуться.

Само выступление Берта не помнил. Но его память сохранила момент, когда мама стояла посреди гримерной, ее лицо сияло, а глаза сверкали от счастья. Все вокруг будто остановилось. Она была для него единственным источником света. Но затем пришла тьма.

Последним воспоминанием стало совсем другое. Она лежала вся в крови. Руки сломаны. Лицо не выражало ни боли, ни страха. Она лежала в холодной яме, как ненужная кукла, а они с братом засыпали ее землей. Он слышал, как комья падали на ее тело, тяжело, с ужасным звуком. И в этот момент Берт вспомнил лицо отца. Холодное, бесчувственное, как у того, кто утратил все человеческое. Он был весь в ее крови, в ее смерти, но вместо того, чтобы чувствовать хоть каплю раскаяния, докурил сигарету и с отвращением на губах бросил ее в яму. Отвращением к ней? Или к себе?

В тот день в сердце Берта образовалась зияющая дыра. Горячий ком стоял в горле, он не мог дышать. Но не сдался. Нельзя было показаться слабым. Он взял лопату и начал засыпать ее землей. Думал, как мог спасти и помочь, словно в таких размышлениях был смысл. Но смысла не было. Он был слишком молод, чтобы понять: землю, которую он кидает на ее тело, – кидает в свою душу.

Он пытался этот день забыть, прикладывая огромные усилия. Заставлял себя стереть из сознания каждую деталь, каждое лицо, каждый звук. Но память не отпускала его. И он мог собрать этот пазл воспоминаний только в обратном порядке.

В голове, вспышкой, вертелся следующий момент – дикий, безумный эпизод.

– Сюда тащите, – прозвучал приказ, словно вспышка среди тумана.

Берт с братом вынимают обездвиженную Розу из багажника. Он знает, что ее тело холодное и безжизненное, но все еще стремится держать бережно. Брат же кидает ее, как мешок с мусором, безо всякого сожаления.

– Соберись, – шикает Билли, но его глаза горят чем-то чужим.

И они оба тащат ее, бросают в яму, как будто закапывают не мать, а старую тряпку без всякой ценности.

Воспоминание уходит в темноту, а затем вновь ослепляет ярким светом фар. Берт сидит за рулем, он не видит ничего. Глаза пустые, голова словно не своя. Слезы давно высохли, но в висках пульсирует боль. Тело он чувствует, но не осознает. Ощущает, как его грудь сдавливается, он задыхается, но не может вырваться из этого состояния. Вопросы терзают его, но он не смеет их задавать. Отец рядом, прикуривает одну сигарету от другой. Курит так, будто это последнее утешение, а его руки постоянно потирают друг друга. Он не смотрит на сына. Не хочет. Не может.

Все поглотила эта безжизненная тишина, которая терзала изнутри. Тишина, которая кричала о смерти, о том, что ничего не вернуть, что все ушло и нет пути назад. А Берт на автомате продолжает вести машину. Все вокруг было чуждо

– отец и брат словно неродные люди. Незнакомые и дикие. И Берт не знал, как жить дальше. Как смотреть им в глаза?

Следующая озаряющая вспышка.

– Мне кажется, она еще дышит... – шепотом произнес Билли, сидя на диване перед ее телом.

Глаза его были полны растерянности, в них светилась тревога, будто он все еще не верил, что она ушла. Или просто боялся за себя и за отца. Боялся последствий и их будущего.

– Я разберусь, – так же еле слышно ответил Гарри, но в его голосе звучала холодная уверенность, будто все уже решено и места для сомнений не осталось.

Берт не произнес ни слова и резко, одним движением встал перед отцом, преграждая ему путь. Его взгляд был жестким, непреклонным – он не хотел, чтобы отец снова прикасался к матери, не хотел видеть, как этот мужчина повторяет свои жестокие поступки. Будто мог остановить его. Гарри в ответ качнул головой, словно выражая недовольство.

– Сын... Ты моя кровь, ты мой ребенок. Я за тебя умру, все для тебя сделаю, ты понимаешь? – Гарри твердо положил руку на плечо Берта, но его жест был настолько грубым, что слова звучали как угрозы. – Я воспитывал тебя, я дал тебе все, что мог. Ты всегда хотел помочь ей, потому что она твоя мать, а значит, твоя кровь. Но ты должен понять, что ее решение – это измена. Она меня предала, – он начал поправлять крестик на груди, его взгляд становился все более холодным. – Она обещала быть со мной до конца. Наш союз

был скреплен небом. Я не хотел этого, но она вынудила меня, потому что предала.

– Ты же любил ее, пап... – прошептал Берт, едва сдерживая дрожь в голосе, будто эти слова были последним криком в пустоте.

– И сейчас люблю... – Гарри поджал губы, словно каждый раз эти слова вырывались из него с усилием. – Но отойди, сын. Это не твоя ноша.

Отец обнял его, и это движение было словно прощальным, болезненным отголоском того, что они потеряли. Он обошел сына, и Берт услышал, как тяжело, решительно звучат его шаги. Как Гарри опустился к матери. Он услышал ее тихое дыхание, едва уловимое, но достаточное, чтобы понять: она еще жива. И Берт инстинктивно сжал кулаки, в голове вихрился только один вопрос: почему?

Он помнил, как отец наклонился и сжал ее шею. Как пальцы обвили ее, словно он пытался выжать из нее душу. Берт не мог смотреть на это, не мог воспринимать. Но и отвернуться не получалось. Всеми силами пытался запомнить ее. Будто на всю жизнь. Его тело, как и все в нем, замерло.

И вот это ощущение – он снова махал руками в воздухе, пытаясь схватить что-то невесомое, легкое. Воспоминание. И оно постоянно убегало. Так и ее облик – как бы Берт ни пытался запомнить, она ускользала от него.

Следующая болезненная вспышка воспоминаний. Всего час разделил его жизнь. От безусловного счастья к всепогло-

щающему горю. Он прыгнул с велосипеда, побежал к дому, сжимая в руках билеты, пытаясь скрыть их от всех. Даже от самого себя. Грохот, резкий, невыносимый, заставил сердце замереть. Берт быстро свернул билеты и спрятал в карман, надеясь, что их никто не заметит. Рука легла на ручку двери, он обошел пару растрепанных чемоданов. Уже тогда зная – что-то не так – он уверенно прошел в комнату. Ее дыхание раздавалось эхом по дому. Хриплое, тяжелое и медленное. Он слышал, как она произнесла его имя, словно пыталась сказать что-то важное, но не смогла.

– Берт... – ее голос был каким-то чужим.

Он убедился – с ней что-то не так.

Но взгляд отца, его темный силуэт, нависший над ней, был настолько жестоким, что он не мог даже пошевелиться. Билли уже стоял рядом, преграждая путь, и отводил его в сторону. Но Берт запомнил лицо отца. И засомневался, был ли он и вправду его кровью. Видел лишь незнакомое чудовище. Брат силой увел его в сторону. Не давая смотреть.

Через несколько минут отец позвал их обоих. По лицу Гарри было понятно, что случилось страшное. От чего ему самому будет не оправиться. Билли, хоть и был старше на семь лет, не сразу сообразил, но Берт – как всегда – все понял первым. Он почувствовал, что все катится в пропасть.

– Мам? – голос старшего был тихим, наивным, словно он все еще не верил в происходящее. Она хрипела.

– Билли... Пойдем, – отец вывел старшего сына в другую

комнату, а Берт остался на месте, не в силах сделать хоть шаг. – Берт, стой здесь.

Он стоял и наблюдал, как отец и Билли ушли в сторону. Через несколько мгновений Берт увидел, как они сидят на диване перед матерью. Гарри что-то говорил сыну, слова жестокие, тяжелые. Их шепот резал сердце, заставляя его разрываться от боли. Берт знал – ничего хорошего.

А ведь тот день так хорошо начался. Утро было обычным, и все казалось нормальным. Они сидели за завтраком – мама и папа улыбались друг другу, несмотря на то что в последние месяцы разговаривали нечасто. Но отец все еще дарил ей цветы, по старой привычке водил семью в рестораны, показывая свою заботу. Билли и Берт учились в хорошей школе, занимались в секциях, и все, казалось, было на своих местах. Но когда отец и Билли уехали по делам, Берт остался с мамой наедине. Она крепко обняла его перед тем, как он ушел, прижала к себе, будто пытаясь удержать рядом как можно дольше. Отчего сердце его сжалось.

– Ты как, мам? – спросил Берт, не замечая легкой тревоги в своих словах.

– Все хорошо, мой дорогой, – ответила она. – Все хорошо, родной.

Однако хруст в ее голосе, странный блеск в глазах заставили Берта почувствовать – что-то не так. Он отстранился, прошелся взглядом по ее лицу. Увидел, как по ее щекам катятся слезы. Она прячет их, чтобы не показать свою слабость. Он

почувствовал, как в груди закололо. Тревожно и больно.

– Мам, что случилось?

Она вздохнула, будто сдерживала страшное, что давно скрывала.

– Берг, малыш... Я тебя люблю, – она знала, что это последний шанс сказать ему все. – Ты у меня такой добрый мальчик... Прошу тебя, не занимайся с папой и Билли их делами. Ты еще столько можешь достичь. А они тебя втягивают в то, что тебе не нужно.

– Мам, все в порядке. Я стараюсь, – он пытался ее успокоить, но слова выходили с трудом, внутри него все сжималось.

– Я знаю, знаю, – она вытерла слезы. – У меня есть просьба. Но прошу тебя, не говори отцу.

– Что угодно, мам, – Берг почувствовал тяжесть ее просьбы.

– Купи мне билет, куда угодно... лишь бы подальше, – отчаянно шепнула она.

Глаза смотрели на сына в надежде, в страхе, в панике.

– Ты... Ты серьезно, мам? – его голос дрогнул, он отступил назад, чувствуя, как тревога накатывает на него волной. – Я не могу... я поеду с тобой! Как ты будешь одна?

– Тише, тише... – она замахала руками, пытаясь успокоить его. – Так нужно сделать, Берг. Смотри... – она закатала рукава кофты.

Берг увидел ссадины и синяки, которые она прежде скрывала. Как он раньше их не видел? Почему не замечал, что

происходит в их собственном доме?

– Твой отец... – ее голос затих. – Он уже другой. Сам не свой.

– Мам... мам, ты чего?! Почему не сказала мне сразу? – Берт почувствовал, как гнев и боль переполняют его.

Он не мог поверить в то, что она говорит. Они всегда были так счастливы.

– Я верила, что смогу исправить его, – она снова взглянула на сына. – Он вовсе не плохой человек. Он не был таким. Но сейчас... чем старше вы становитесь, чем больше он работает, тем хуже становится. Я не могу больше так. Не могу. Прими это, Берт. Ты взрослый, должен понять. Мне нужно уехать. Я боюсь... – ее дыхание стало тяжелым, как будто она не могла больше держать все в себе. – Я так не могу.

Она говорила это с такой надеждой, с таким отчаянием. Каждое слово было тяжелым решением, неуверенным шагом вперед. Мольбой.

– Я сделаю ради тебя все, мам! Уеду с тобой! Не отговаривай меня! – Берт рванул к выходу.

Он был готов бросить ради нее все. Даже разделить семью. Поэтому выбор внутри уже был сделан.

– Берт... – она посмотрела на него с такой болью, что он едва мог выдержать ее взгляд. – Обещай мне одну вещь.

– Что угодно, мам, – он остановился в дверях.

– Ты никогда... слышишь? Никогда... не сделаешь больно человеку, которого любишь. Обещай! Никогда! – ее руки

крепко сжали его плечи.

Прошептала, будто последнюю просьбу.

– Я никому не сделаю больно, мам, – кивнул Берт.

Его сердце колотилось как бешеное. Это не обещание.

Клятва.

– Нет, Берти, – она резко схватила его за руки. – Обещай мне! Не тронешь пальцем ту, что полюбишь!

– Обещаю, мам... – его слова были тихими, но в них прозвучала вся его решимость.

Он хотел остаться с ней. Утешить, успокоить. Хотел помочь. Но сильнее всего жаждал, чтобы она была в безопасности.

Мать быстро сунула ему в карман деньги.

– Скорее, – шепнула она напоследок. – Надеюсь, успеешь.

– Я успею... Обещаю, – он поцеловал ее в лоб и выбежал из дома.

В этот момент он был готов на все, чтобы убежать с ней. Остальное казалось неважным. Пока ехал, строил планы, размышлял. Ведь он пообещал.

Обещаю... Обещаю... Обещаю... Эти слова крутились в голове Берта, как заезженная пластинка, почти всю его жизнь. Где-то в глубине груди сидело гниющее сожаление – чувство, которое он так и не смог себе объяснить. Вина? Горе? Скорбь?

Он был, по сути, мальчишкой – любил и мать, и отца, с отчаянной привязанностью, с невидимым страхом за них обо-

их. И не мог даже представить, что отец способен на такое. Да и вправе ли он был его судить? Все, что делал Гарри, – всегда ради семьи. Так он сам говорил. Это была его правда, и Берг принимал его слова за чистую монету. Как и любой ребенок, доверял своему родителю. Молча и без всяких сомнений.

Гарри никогда не обманывал сыновей. Он всегда делал для семьи все возможное. При этом уважал мнение каждого сына. Как только мог, старался не впутывать младшего в свои дела. Берг считал, что ему повезло. Его детство прошло в учебе и тренировках, он чувствовал заботу и внимание старших. Он развивался, строил планы на будущее, как любой талантливый и амбициозный мальчуган. Гарри видел в нем хороший потенциал, надеялся, что он станет большим человеком. Хотел, чтобы его сын вырвался из того мира, в котором вырос он, чтобы Берг стал кем-то другим.

Отец и сам был когда-то живым примером того, как можно подняться из нищеты. Билли – другой. Старший брат и копия отца: умный, решительный, предприимчивый.

Мальчики росли не в идеальных условиях, но Гарри и Роза делали для них все, что было в их силах. Никто не мог сказать, что они – плохая семья. Напротив, Гарри любил своих сыновей и вкладывал в них все, что мог, даже если ценой этого были его собственные интересы. Он отрывал от себя кусок всегда, когда было необходимо. Когда молодая Роза была еще беременна первенцем, Гарри только поступил в

университет и не имел постоянной работы. Он перебирался с места на место. А Розе приходилось подрабатывать, даже когда она была в положении. Тогда Гарри начал заниматься дурью. Мелкие продажи. Легкое веселье. Но никогда не пробовав сам. Знал: подсядешь – и твоя судьба уже будет не в твоих руках.

Гарри отличался смекалкой, ловко вел переговоры, манипулировал людьми. Уже в молодом возрасте сумел грамотно выстроить свою деятельность и в скором времени обрел неплохой статус. Все, что он зарабатывал, шло в дом, чтобы Роза могла чувствовать себя комфортно. Он хотел дать ей то, что она заслуживала и о чем мечтала. Но когда узнал, что у них будет сын, решил – даст ему все. Сын не повторит его путь и ошибки. Он будет сильнее, решительнее, будет брать и не спрашивать.

– Мальчишка у тебя – красавец. Еще бы одного богатыря – и бизнес можно по наследству передавать, – кто-то бросил Гарри.

Он не ответил. Но с тех пор эта мысль засела в его голове. Второй сын. Да. Это было бы правильно.

На УЗИ он молчал. Внутри – молитва. Только бы не девочка. Девочка – это слабость. Это сердце наружу. А он не мог быть уязвимым. Гарри клялся: «Если это сын – я обязан подняться. Победить. Подчинить».

Он представлял свое будущее: два сына, его продолжение, его армия. Все вокруг будут под их властью. Это возбуждало.

Бросало в жар. Он дрожал – не от страха, а от силы, которая будто уже текла в его жилах.

Он не замечал, как пьянел от этой власти. Не замечал, как любовь к Розе скукоживалась, отходила в тень. Как что-то темное начинало преобладать в нем. И бороться не хотелось.

– У вас мальчик, – сказала врач.

Гарри рухнул на колени. Обнял старшего, Билли. Заплакал. Это был не порыв – а настоящее торжество. Он чувствовал: так и должно быть. Это – его путь. Его воля.

Он не верил в божественный промысел. Это он сам все сделал. И теперь он решит, кем будут его дети. Он даст им все. И заставит взять больше.

Роза поймала его взгляд. Один миг. Казалось бы, счастье. Но внутри у нее что-то хрустнуло. Сердце будто застыло.

И потом каждый раз, когда Гарри срывался, когда кричал про судьбу, про миссию, когда бил – она вспоминала этот миг.

И понимала: Гарри не молится Богу, так как решил, что он – и есть Бог.

Когда Берт вырослел, отец все больше и больше видел в нем потенциал для успеха. Но понимал – его бизнес опасен. Сам Гарри так и не закончил университет, и это всегда грызло его. Знания сохранились в голове, но оставались в тени более мощных амбиций. Он искренне желал своему сыну светлого будущего и планировал для него другой путь. Билли – противоположность. Прямой и грубый, такой, каким отец

хотел его видеть. Оба сына были здоровыми, крепкими, и Гарри, как ни крути, гордился ими. Он верил, что все им сделанное было ради них.

– Какие вы у меня красавцы! Папины богатыри! – обнимал он своих сыновей, выражая свою гордость за них.

Но все же Гарри не был идиотом. Он прекрасно понимал: если Берт умен – это должно работать на них всех. Его учеба, его увлеченность – не просто прихоть, а будущий актив. Он подталкивал младшего к нужным профессиям – юрист, коп, тот, кто потом станет прикрытием, своим человеком «внутри системы». Не сразу, не в лоб – Гарри умел ждать и надавливать тонко, под кожу.

Берт учился. Впитывал все, как губка. Тренировался, читал, разбирался в сложных вопросах, спрашивал. В нем действительно было что-то особенное. А вот Билли... Билли не был тупым, просто такой мир его не интересовал. Его стихия – улица, скорость, азарт. Пока Берт сидел над учебниками, старший брат гонял с друзьями, крутил железо в спортзале и занимался с отцом делами.

Но они всегда были одним нерушимым братством. Мужской спайкой. Эта сталь не поддавалась времени и предательству. Один за всех – все за одного. Это правило не обсуждалось. Оно было у них в крови.

Они держались вместе. Всегда.

Берт помнит это, как будто было вчера. Смерть матери еще где-то за спиной на горизонте, послевкусие витает в воз-

духе. Они вдвоем за рулем папиной тачки, им разрешено отвезти «повеселиться» друзьям. Едут. Музыка. Смех.

И миг режет лезвием по памяти. Синие огни. Сигнал. Полицейская машина.

Сердце стучит. Машина встает. Внутри – глухая тишина.

– Берт, возьми себе, – шепчет Билли, резко, быстро, будто вколачивает.

Рука брата молнией передает пакетик. Берт тянется, пальцы дрожат, но он не дает им выдать себя. Прячет в носок, глубоко. Он знает, что делает. Знает, что в пакете. Знает, что может с ним случиться. Но он – младший. А Билли – старший. Если поймают, Билли сядет.

Мелкая дрожь проходит по телу, но они молчат. Ни слова. Ни испуга. На лице маска – уверенная и невозмутимая.

Окно скользит вниз.

Полицейский в фуражке заглядывает в салон через окно. Братья понимают – он не из их людей.

– Билли, дружок, – говорит он, поправляя усы, – выходим из машины.

Вот тогда и приходит настоящий страх. Холодный, липкий. Не тот, что в книжках. Настоящий.

Полицейский не из их друзей. Не продан. Не прикормлен. Чужой.

– Руки на крышу, ноги врозь. Не двигайся.

Берта будто кто-то бьет по затылку. Команда – как выстрел. Он встает, как учили, молча, сжав зубы.

Полицейский медленно, неторопливо, как собака, принимается к жертве, ощупывает его – грудь, бедра, карманы. Ни спешки, ничего лишнего. Коп чувствует. Он ищет. И знает, что найдет.

И вот – пальцы касаются носка.

Тонкая усмешка.

Пальцы скользят внутрь.

Берт зажмуривается. Сердце замирает. Это конец. Он знает.

– Ты поступил как мужчина, – сказал отец после допроса, положив тяжелую ладонь на плечо Берта. – Ты защитил брата. Ясно, что Билли бы посадили. А ты сделал все правильно. Ты достойный сын. Я горжусь тобой. Мы этого не забудем.

Берт, не поднимая головы, сидел на скамье. Отец присел на корточки, чтобы оказаться на одном с ним уровне. Его голос смягчился, стал почти отеческим:

– И помни, мы всегда... – он ткнул пальцем в грудь мальчика, – всегда прикроем тебя.

Берт глядел в землю. Боль и страх все еще были свежими, как ссадина, по которой прошлись грязной щеткой.

– Меня выгнали из школы и из секций, пап... – тихо пробормотал он, с трудом удерживая слезы. – Дали домашний арест... Кем я теперь буду? В университет ни за что не поступлю. Мне год до конца школы остался.

Отец засопел, нахмурился, будто готов был обрушиться на весь мир. Но в следующую секунду вернул себе контроль.

– Неважно, сын. Исключили – это пока что. Мы им еще покажем. Это они тебя потеряли, не ты их. У тебя будет все, что ты захочешь. Я тебе обещаю.

Он сжал плечо сына сильнее, вкладывая в этот жест веру в лучшую судьбу, даже если сам в ней сомневался.

– Это все пыль. Мелочи. Главное, что у тебя здесь, – он снова ткнул в грудь Берта, – внутри. Ты – храбрый. Умный. Сильный. У тебя все будет, Берт.

Он замолчал. В комнате слышалось лишь тяжелое дыхание. Берт ощущал, что становится взрослым не по возрасту. Слишком быстро, слишком рано.

Да, с деньгами и правда многое решилось. Они залатали дыры, где это было возможно. Купили новых тренеров, новые справки, новые входы в старые двери. Гарри знал, куда занести, знал, кому подмигнуть. Все выглядело красиво. Все – под контролем.

Но сыновья чаще и чаще ловили недобрые знаки. На улицах, в магазинах, в раздевалках спортзалов. Кто-то узнавал их. Кто-то перешептывался. Кто-то – просто смотрел слишком пристально.

Брауны были заметны. Высокие, мускулистые, с тяжелыми взглядами и одинаковыми скулами. Молчаливые, настроенные.

И чем старше становились братья – тем труднее было скрыть их маленький секрет из прошлого.

Гарри продумал каждую деталь – версию, легенду, пово-

роты фраз. Сыновья выучили их, как молитву. Так слаженно и долго твердили одно и то же, что со временем и сами начали сомневаться – было ли это вообще? Или это просто затянувшийся дурной сон, от которого невозможно проснуться...

Берту иногда казалось, что тот ужас случился не с ними. Где-то в другом теле. В другой жизни. Прошрое словно растворилось в плотной, липкой дымке, из которой не выбрать-ся.

Но один день стер все. Без предупреждения. Без намека. Это случилось внезапно, будто злая шутка.

Вечер был обычным. Пахло жареным мясом, с кухни доносились глухие басы телевизора. Билли смеялся где-то в гараже.

А потом – вой сирен. Красно-синий свет, мечущийся по стенам, как бешеная кровь.

Двор заполнился полицейскими. Десятки, может, больше. Оружие, крики. Взломанная дверь, визг тормозов, грохот сапог по ступеням.

Берт застыл на месте. Его сердце застучало так сильно, что казалось – вот-вот прорвется наружу. Он только закончил университет. Почти взрослый мужчина. Но в тот момент – он снова был ребенком. С тем самым взглядом – из детства. Из той ночи.

В голову сразу пришло одно: наркота. Большая партия. Недавняя. Может, кто-то слил информацию. Или проболтал-

ся. Где-то недоглядели. И все трое не сразу вспомнили действительно важное преступление.

Но потом они слышали. То имя.

Роза.

И уже не осталось сомнений – все возвращается. То, что они прятали. Что зарывали. Что стирали из памяти годами.

Нашлось ее тело.

И была установлена причина смерти.

– Берг! – выдохнул Билли, когда его вместе с Гарри уже скручивали, жестко прижав лицом к полу.

Голос хрипел, звучал с надрывом, будто что-то рвалось изнутри.

Они встретились глазами – оба в наручниках, оба там, где не хотели оказаться. И в этих взглядах, коротких, как вспышки молнии, было все: паника, боль, предупреждение, просьба.

Слов больше не требовалось. Страх сбил всю спесь и оставил их ни с чем.

Когда дверь фургона с железным грохотом захлопнулась и машина тронулась, качнувшись на кочках, Берг словно оцепенел. Внутри все будто заткнуто мокрой ватой. Каждый звук – будто сквозь плотную пелену. Пока ехали до участка, пока сидели в камере, он гонял в голове одну и ту же цепочку событий. Повторял историю, заучивал детали, как мантру. Снова и снова.

Это уже была не просто версия – это становилось его па-

мятью. Он должен был верить сам. Чтобы поверили другие.

Когда охранник открыл решетку и назвал его имя, Берт встал без слов. Медленно, словно сросся со скамейкой. Холодное спокойствие пришло изнутри, защищало как броня. Он протянул руки вперед, и наручники звякнули на запястьях.

Комната для допросов встретила его пустотой и лампой, светившей прямо в лицо.

Он сел, выдержал взгляд. Голос у него был ровным, даже уверенным – как будто он давно этого ждал. Словно выучил стихотворение и предвкушал, когда получит за него хорошую оценку.

– Спасибо, мистер Браун. Вы свободны, – проговорил следователь, собирая папку с бумагами.

В голосе – раздражение, в глазах – холод.

Он не скрывал, что ему противно отпускать хоть кого-то из семьи Браунов. Но доказательств против младшего не нашлось, их версия – безупречна.

Им пришлось так поступить.

– Это все? Я могу увидеть брата и отца? – спокойно, как ни в чем не бывало спросил Берт.

– Увидите, думаю, в пятницу. Если разрешат. Они взяли вину на себя.

– Взяли?

– В общем, позвоните – организуем встречу, – он протянул визитку с номером.

Берт вышел из здания один.

На улице было пасмурно. Дождь только закончился, и асфальт еще поблескивал, как черное стекло. Воздух пах мокрой листвой, металлом и табаком.

Он вернулся в старый дом. В тот самый, в котором умерла мать. Туда, где их взяли.

Почему они все еще жили здесь? После всего, что случилось – все еще здесь? Боятся, что забудут ее?

Дом был опечатан.

Полицейские копались внутри – выносили деньги, оружие, пакеты с товаром. Все шло по заведенной процедуре. Все шло к черту.

Берт стоял на крыльце и смотрел, как выносят их жизнь коробками. Его пальцы шарили по карманам – телефон, пара купюр. Пусто.

У ворот стояли двое полицейских. Один из них курил, лениво оглядываясь по сторонам. Берт молча подошел, указал взглядом на сигарету. Тот неохотно протянул пачку, поделился.

Берт затаился – глубоко, с силой, будто дым мог выжечь из него весь этот гнилой мир.

Он не помнил, как оказался на шоссе. Шел вдоль обочины, словно призрак. Ноги двигались сами. Он спрашивал у прохожих сигареты и выкуривал их одну за другой. Они жгли легкие, но успокаивали голову. Он хотел исчезнуть. Раствориться в дыме, стать ничем.

Так прошли сутки. И еще одни. Он спал где придется. У подворотен. На лавке. В тени гаража.

До дня встречи.

И вот – камера. Стены серые, воздух – спертый. Билли сидел молча, склонив голову. Гарри – напряженный, тяжелый, сжав губы.

И первым нарушил тишину Берт.

– Отец... почему?

Гарри посмотрел на него. Не гневно. Не с сожалением. С тяжестью, которая не поддается описанию.

– Послушай... Так нужно было, – произнес он медленно. – Они нарыли слишком много. Отпираться не было смысла.

Он понизил голос, стал говорить почти шепотом:

– Если бы мы с Билли не признались, они бы распотрошили тебя. До костей. А так – ты снаружи. Слушай внимательно.

Берт кивнул. Гарри заговорил быстрее. Он будто диктовал, как на пленку:

– После суда налетят шакалы. Те, кто захочет занять мое место. Их будет много. Они будут хитрые, дерзкие, хваткие. Но ты должен показать им, кто тут главный. Показать их место.

– Все конфисковали, – тихо вставил Берт.

– Да, – согласился Гарри. – Но у меня остались друзья. Они сами выйдут на тебя. Ты их знаешь, надежные люди. Те, кто работал со мной в тени. Я уважаю их. Они уважают

меня. Твоя задача – не опозориться. Не раскиснуть. Не дать усомниться. Понял?

Берт не ответил. Просто смотрел. Как дрожат пальцы у отца. Как тот прячет глаза и

боится. Не камеры – себя в ней. Без дела. Без контроля. Без власти.

– Можешь положиться на меня, – наконец промолвил Берт. – Я вытяну вас.

– Не наводи схем, – прошипел Гарри. – Все пойдет быстро. Хорошее поведение, чистосердечное – выйдем раньше срока. Не бойся за нас. А ты... наведи порядок у могилы матери. Клумбу поправь. После суда – исчезни. Не давайся журналистам. Не свети лицом. Приговор сам потом узнаешь.

Он замолчал. Потом тихо, едва слышно добавил:

– Я люблю тебя, сын. Ты спас Билли. А мы спасли тебя. Мы – семья.

Гарри не плакал. Но глаза у него налились, стали тусклыми, мокрыми. Он говорил это не как командир. А как человек, который чувствует: скоро все может рухнуть.

Берт не перебивал. Он слушал.

И это была молитва.

Прощание.

И завещание сразу.

– Тебе пора, – прошептал Гарри. – Не буду напоминать держать рот на замке, – он выдавил улыбку для сына, и тот устало ухмыльнулся в ответ.

Сразу после суда Берт не пошел домой. Ему некуда было идти. Он свернул с главной улицы, словно подчиняясь какому-то внутреннему зову, и зашагал по обочине – прочь от людей, от голосов, от воспоминаний. Мимо ржавых лавок, черных дверей и слепых окон.

Шел, пока асфальт не сменился рыхлой землей кладбищенской тропы.

Там, на отшибе, среди покосившихся мраморных плит и крестов, лежала она. Или вернее – лежал пустой гроб.

Никто не знал, что с ней сделали на самом деле. Пока не знал. Только слухи, шепот, недомолвки. Но скоро все будет ясно.

Однако отец настоял: *«Похороним»*.

Могила была безукоризненно чистой – как будто смерть нуждалась в порядке. Цветы стояли свежие, клумба ухожена, земля – будто приглажена ладонью. Он знал, что это сделал отец. Тот мог не прийти на Рождество, забыть про день рождения, но за этой клумбой ухаживал лично – как будто она охраняла что-то большее, чем память. Или просто он так раскаивался.

Берт медленно опустился на колени, не жалея одежды. Пальцы вонзились в землю, срывая мокрые комья.

Он не искал. Он знал.

Не нужно было говорить. Ни слов, ни намеков. Он вырос на полутонах – в доме, где любое движение бровей имело вес, было знаком, намеком.

Даже если бы отец просто сказал: «*Полей цветы*», – Берт все бы понял.

Пальцы задели пленку. Легкий хруст. Он выдернул из земли пакет. Пахло влажной резиной и сырой травой. Внутри – пачки денег, аккуратно перевязанные резинками.

Он быстро засунул их под куртку, стряхнул грязь, выровнял клумбу. Ладонь дрожала. Не от страха – от усталости, от всего скопившегося.

Собрался уходить, и вдруг – голос за спиной:

– В каждой могиле записка?

Женский. Легкий, но с хрипотцой, будто прокуренный.

Берт замер, не оборачиваясь.

– Кто ты?

– Да шучу я, расслабься, – продолжил голос.

В нем звучала дерзость. Уверенность. Привычка ставить мужчин в тупик.

– Я к бабушке пришла.

Он уловил ее боковым зрением. Молодая. В пальто до колен. Тонкие ноги. Пальцы чуть дрожат. А ее лицо... Она так смотрит на него, всматривается. Неужели не знакомы?

– А ты к кому?

– К матери, – бросил он.

– Сочувствую.

– Спасибо, – сухо. Без эмоций. Только голос как лезвие.

– Меня зовут Кэтрин, – она поднялась, подошла вплотную, встала перед ним. Глаза – как у хищницы.

– Берт.

– Хочешь прогуляться, Берт? – она чуть склонила голову, будто оценивая.

Он окинул ее взглядом – сверху вниз, медленно. Улыбка скользнула по его лицу, но не добралась до глаз.

– Пойдем, – вдох, словно перед прыжком.

Он не понимал, зачем соглашается. Просто... пошел. Ноги задвигались сами.

И ночь затянула их в свою мрачную воронку. Дальше все было будто в тумане.

Они оказались в клубе. Или в полуподвальном баре. Тусклый свет, басы, ржавый саксофон на фоне. Он пил. Один бокал за другим. Виски лился легко. Обжигая, не давая трезветь.

Кэтрин сидела рядом. То на стуле, то на коленях, то уже пританцовывала под музыку, обвивая его шею рукой, будто они знакомы годами. Он не спрашивал, кто она. Она не спрашивала, кто он. Им было все равно.

Потом – туалет. Запертая дверь. Кафель. Ее пальцы на его молнии. Ее глаза – прямо в его.

Он откинулся спиной на стену. Потом закрыл глаза. И позволил себе забыться. Хоть на мгновение.

Когда он открыл глаза, все было по-другому.

Новая комната. Чужая. Утренний свет пробивается сквозь занавески. Воздух – теплый, с запахом ее духов и чужих простыней.

На подушке рядом – Кэтрин.

Голая спина, обнаженные бедра, волосы рассыпаны волнами. Она спит спокойно, как будто рядом с ней не сын убийцы, которого еще вчера вызывали на допрос.

Он медленно приподнялся. Ощупал карманы куртки. Пакет с деньгами на месте. Бумажник тоже. Улыбка расплылась по лицу. Он был уверен – она воспользуется, украдет, исчезнет.

Но нет. Она ничего не взяла.

Он снова ее оглядел. Тихо встал. Оделся. Смыл с лица следы ночи ледяной водой из крана.

Взглянул на часы – опаздывал. Он должен был уйти. Уже тянулся к ручке входной двери – и остановился.

– Убегаешь? – раздался шепот.

Она стояла в коридоре. Почти голая.

Он повернулся:

– Нужно.

Берт задержал взгляд на ее теле. Молодое. Уверенное. Без стыда. Она чуть старше. Или просто опытнее.

– Я вчера за все платила. Не хочешь компенсировать? – голос спокойный, послушный.

Он кивнул, достал бумажник. Купюры – крупные, сразу несколько. Протянул.

– Хватит?

– Даже больше. Спасибо, Берт, – она легко поцеловала его в щеку.

Ее теплые губы коснулись его щеки, и на секунду ему показалось, что он снова хочет ее.

– Мы еще увидимся? – спросила напоследок.

– Увидимся. Я найду тебя.

– Ну, найди, – сказала Кэтрин, почти шепча. И улыбнулась.

Он вышел, не оглядываясь.

А за дверью остался слабый запах ее тела, утреннего секса, и улыбка не сходила с их лиц еще долго, даже когда за Бертом захлопнулась дверь.

После всего, что случилось, он на мгновение почувствовал... почти счастье.

Нет, не то чтобы радость – но внутри стало тише. Как будто шум мира наконец замолк.

Он шел по улице, где асфальт трескался под ногами, а небо было серым и тяжелым, как крышка гроба. В его голове стучала одна мысль:

«Все образуется. Как-нибудь...»

Но по мере приближения к полицейскому участку спокойствие улетучивалось. Исчезло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.